

Дарья Донцова

Компот из запретного плода

Любительница частного сыска
Даша Васильева

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Донцова
Компот из запретного плода
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 25

текст предоставлен издательством ЭКСМО
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127658
Компот из запретного плода: Эксмо; М.; 2005
ISBN 5-699-12469-1

Аннотация

За друга – в огонь и в воду! Даша Васильева очертя голову бросается разыскивать нахалку, посмевавшую оскорбить ее приятеля – полковника Дегтярева. Холостяк Александр Михайлович, утверждает тетка, женат и бросил супругу, которая его холила и лелеяла. Даша возмущена. Ей ли не знать, что Дегтярев свободен и чист, как слеза. Невинный поиск однофамильца полковника оборачивается криминальным расследованием, до которых, как известно, Дашутка большая охотница. По ходу дела она узнает, что другой Дегтярев – бывший зэк. Этот лагерный донжуан хранит в кубышках бывших любовниц свои преступные сокровища. Теперь его возлюбленные – старушки, они хотят избавиться от опасного золота, забыть прошлое. Ну как не вмешаться Даше Васильевой, как не помочь! Не век же им расплачиваться за грешки молодости!

Их-то избавила от проблем, а сама чуть жизни не лишилась.
Слишком уж доверчивой оказалась страстная любительница
частного сыска...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	36
Глава 4	50
Глава 5	64
Глава 6	79
Глава 7	92
Глава 8	107
Глава 9	121
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Дарья Донцова

Компот из запретного плода

Глава 1

Чем сильнее я ощущаю свою вину перед человеком, тем откровеннее подлизываюсь к нему.

Сегодня, когда Дегтярев, сердито сопя, поволок к двери туго набитый рюкзак, я моментально выскочила из столовой и заулыбалась:

– Помочь?

Не думайте, что я так внимательна к любому мужчине, перетаскивающему тяжести, просто вчера мы с полковником слегка повздорили, и я наорала на Александра Михайловича. А уже через десять минут остыла, поняла, что перегнула палку, но все же попыталась оправдать свое поведение: он сам виноват, ведь дружим не первый год, и кто, как не он, великолепно знает: госпожа Васильева любит давать советы, но терпеть не может выслушивать их от других. Ну, какого черта Александр Михайлович решил объяснять мне, его подруге Дашутке, новые модные тенденции? На кой ляд громогласно заявил, что к темно-синим брюкам не подходит фио-

летняя кофточка? Сама знаю, какие вещи надевать. И что его вдруг прорвало? Ведь полковник никогда не замечал, кто и во что одет. Да еще при гостях! Все спокойно сидели, пили чай, обсуждали церемонию вручения Оскара, и тут внезапно Александр Михайлович поднял взор и ни с того ни с сего брякнул:

– Зря вы тут хихикаете над звездами, не умеющими правильно выбрать вечернее платье. Между прочим, Дашута, твои темно-синие джинсы тоже не сочетаются с шелковой фиолетовой рубашкой. Честно говоря, выглядишь ты странно: снизу – ковбой, сверху – тинейджер, утащивший из шкафа праздничный наряд бабушки.

Я обомлела, скорее от неожиданности, чем от хамства. Мои домашние растерялись: Зайка, она же Ольга, уткнулась носом в чашку, Маня захлопала глазами. Ну, а гости деликатно закашлялись. Нет бы мне промолчать, не связываться с Дегтяревым! Он сейчас лебезил бы передо мной, старался хоть как-то загладить вину, но я... С трудом обретя дар речи, я налетела на Александра Михайловича и высказала все, что думала: а) о его собственной безвкусице в одежде, б) о пятнах, которые вечно «украшают» его рубашки, в) о толстом животе, не помещающемся в свитера... Дальше – больше, в общем, повела себя, как базарная баба, а потом гордо ушла, хлопнув дверью.

Около полуночи в мою спальню вошла Машка и укоризненно сказала:

– Ну ты даешь, муся!

– Сам виноват, – обиженно отозвалась я, откладывая детектив, – первый начал.

– Муся, – вздохнула Маня, – Александр Михайлович не хотел тебя обидеть, так, ляпнул по глупости.

Конечно, Маруська была права, полковник совершенно незлобив, он просто не подумал, что говорит, и дуться на Дегтярева – абсолютно бессмысленное занятие. Впрочем, на себя – тоже. Сейчас на дворе стоит март, погода меняется, словно настроение у младенца: с утра тепло, днем морозно, вечером льет дождь, ночью валит снег. А у меня целую неделю болит голова, вот я и не сумела адекватно отреагировать на идиотское замечание, сорвавшееся с языка полковника. Но не признаваться же в совершенной ошибке?

– Если ты глуп, то лучше помолчать, сойдешь за умного! – сердито ответила я девочке.

Машка покачала головой:

– Муся, знаешь Катю Петрову?

– Дочь Тани? Очень хорошо, препротивная особа, – продолжала я.

– А ты можешь припомнить, из-за чего мы с ней ругались в детстве?

– Элементарно, – пожала я плечами. – Катя с раннего возраста обладала подлой натурой. Она исподтишка пинала тебя, кусала, говорила гадости, а когда ты отвечала ей оплеуху, моментально неслась к Тане и рыдала. Мне приходилось

наказывать тебя, ставить в угол, а Катя потом демонстративно прохаживалась рядом и громко чавкала «заслуженно» полученным мороженым. Честно говоря, я очень радовалась, когда нашей дружбе с Петровыми пришел конец, мне самой всегда хотелось надавать затрещин этой милой вечно больной и немощной плаксе.

– И что ты каждый раз говорила, отправляя меня в угол? – продолжила Маня.

– Одно и то же! Катю следует бить ее же оружием: как только она пихнет тебя, мигом начинай рыдать и беги к взрослым. Но ты в ответ упорно лупила ее лопаткой по голове, и получалось: Катенька хорошая, бедняжку побила немотивированно агрессивная Маша. Никто из взрослых особо не разбирался в ситуации, видели лишь конечный результат: слабенькая Петрова – вся в слезах, а крепкая Маша излупила бедняжку. И никого не интересовало, кто первый начал! Тебе следовало вести себя более сдержанно и хитро.

Машка прищурилась.

– Ты, мусек, как все люди, обожаешь давать советы! Ничуть не лучше твоей подружки Оксаны. Недавно, держа в руках сигарету, она, врач по профессии, долго объясняла Сашке Хейфец, почему, с медицинской точки зрения, вредно курить!

– Не понимаю, к чему ведешь разговор?

– Да к тому, что следовало вчера вспомнить про меня и Катю Петрову, – вздохнула Маня, – промолчать, захлопнуть

носом и молча уйти из гостиной. Вот тогда обиженной оказалась бы ты, а так все жалеют полковника. Сколько раз я слышала от тебя: «Маня, следует вести себя сдержаннее и хитрее». Ладно, не переживай, к утру все забудут о казусе.

Маруська убежала, а я полночи проворочалась в кровати, испытывая угрызения совести, и в конце концов чуть не утонула в океане раскаяния. Полковник ведь на самом деле не желал сделать мне гадость. Поэтому за завтраком я была с Александром Михайловичем предельно ласкова и даже не упомянула о вредности холестерина, когда приятель на огромный кусок белого хлеба шмякнул полпачки сливочного масла, а сверху придавил его десятисантиметровым слоем сыра и жирной ветчины.

Вот и теперь, услышав, как он идет к выходу, мигом предложила:

- Давай отвезу тебя в аэропорт.
- Спасибо, – буркнул Александр Михайлович.
- Я схватила куртку.
- Спасибо, не надо, – заупрямился полковник.
- Почему?
- Сам доеду.
- Но ты же отдыхать собрался! А машину где оставишь?
- На метро доберусь.
- Но до городского транспорта еще следует добраться, – не успокаивалась я, – мы же в Ложкине, на Ново-Рижском шоссе. Давай доставлю прямо до взлетной полосы!

– Ни в коем случае, – шархнулся в сторону Александр Михайлович, – только этого мне не хватало!

– Не пугайся, просто пошутила, естественно, высажу у входа в зал.

– Нет.

– У тебя тяжелый рюкзак.

– Сказал – нет.

– Но почему?!

Дегтярев сел на пуфик, нагнулся и, сопя от натуги, стал завязывать шнурки.

– Ну почему ты не хочешь, чтобы тебя спокойно довели до аэропорта? – не успокаивалась я. – Ей-богу, я совершенно свободна, не обременена никакими делами и охотно помогу тебе.

Александр Михайлович выпрямился и, натягивая куртку, спокойно ответил:

– Совершенно не сомневался в твоей незанятости, гран мерси за заботу, вызвал такси, оно у ворот.

– Ты не доверяешь моим шоферским способностям?

– Просто не хочу снова попасть в идиотское положение, – отбрил полковник, – хотя сейчас, когда на мне нету формы, ситуация будет выглядеть не столь пикантно.

Высказавшись, Дегтярев схватил рюкзак и был таков, а я осталась в холле. Ну кто бы мог подумать, что приятель настолько злопамятен?

В ноябре прошлого года, в День милиции, Александра Михайловича пригласили на торжественный концерт. Ему, как человеку неженатому, на работе выделили лишь один пригласительный билет. Вручая его Дегтяреву, начальство уточнило:

– Изволь явиться в форме, при наградах.

Александр Михайлович не большой любитель щеголять в погонах, но делать нечего: распоряжение вышестоящего офицера – это приказ. Поскольку после концерта сотрудники МВД решили продолжить праздник в кафе, Дегтярев не решился поехать в город на собственном «Запорожце», пришел ко мне и попросил:

– Добрось до Москвы.

Я села за руль, и мы мирно, спокойно докатили до метро «Тушинская». Припарковавшись у рынка, я сказала:

– Раз уж выехала в Москву, давай доставлю до места.

Александр Михайлович страшно не любит спускаться в подземку, поэтому согласился:

– Ну, если тебе так хочется, пожалуйста.

Я хмыкнула:

– Хорошо, сейчас тронемся, только фары протру, их грязью залепило.

Ноябрь в Москве – слякотный месяц, а прошлой осенью он еще выдался на удивление снежным, спецмашины нагребли по краям дороги невероятные сугробы. Не успела я с тряпкой в руках подойти к капоту, как ко мне подбежала

хрупкая девочка в коротенькой курточке и взмолилась:

– Помогите, пожалуйста.

– В чем дело? – без особого энтузиазма спросила я.

– Аккумулятор барахлит, подтолкните мои «Жигули», авось на ходу заведутся.

Я удивилась: с чего это девушка обратилась с подобной просьбой к женщине? Но незнакомка мигом прояснила ситуацию:

– Мужики такие противные! Кого ни попрошу, отвечают: «Давай на бутылку», – а я последние деньги на бензин потратила, в кошельке пусто, вот и подумала, что вы меня бесплатно выручите.

Я хотела было вытащить из портмоне купюру и сунуть бедняжке со словами: «Иди найми толкача», – но спохватилась. У девушки, наверное, дешевенькая отечественная развалюха. На плечах у просительницы курточка, бодро прикидывающаяся норковой, а в ушах покачиваются пластмассовые висюльки. У меня же – новенький «Пежо», конечно, не самая дорогая иномарка, но на фоне еле живого от старости металлолома смотрится просто шикарно. К тому же я облачена в изящный полушубочек, который на неопытный взгляд выглядит кроличьим, но на самом деле вещичка из шиншиллы – просто сейчас модно уродовать супердорогой мех, превращая его в подобие дешевой шкурки, а еще в моих ушах – яркие аметисты. Очень некрасиво совать девчонке деньги, не хочу выглядеть богачкой, подчеркивающей наше финан-

совое неравенство.

– Сейчас фары протру и пихну, – пообещала я.

– Ой, спасибо, – запрыгала незнакомка.

– Где твоя машина?

– Там, в сугробе!

Я посмотрела в указанном направлении.

– Которая?

– Серо-белая, грязная.

– Таких много.

– Ну вон, крайняя.

– Хорошо, садись за руль.

Девушка умчалась, я подошла к «Пежо» и сунула тряпку в багажник.

– Эй, ты куда? – крикнул из окна Дегтярев.

– Сейчас вернусь.

– Что случилось?

– Да помочь надо, – спокойно объяснила я, – обещала машину пихнуть...

Выслушав меня, Дегтярев крикнул:

– Пошли вместе, которая тачка?

– Серо-белая, грязная, самая крайняя, – улыбнулась я.

Мы добрались до нужного автомобиля и уперлись руками в багажник.

– Раз, два, три, – скомандовал полковник, – ну, пошла!

Чудо отечественной промышленности вздрогнуло и показало вперед, мы с Дегтяревым толкали его довольно долго,

потом устали и бросили утомительное занятие.

– Надеюсь, девица не рассчитывает на то, что мы доставим ее до дома! – сердито заявил полковник. – Пойди скажи ей, раз аккумулятор умер, пусть ищет эвакуатор.

– У нее нет денег, – вздохнула я.

– Давай окажем бедолаге спонсорскую помощь!

Я замялась:

– Мне неудобно.

– Почему?

– Ну... видишь ли, «Пежо», потом, куртка и серьги...

Выслушав мои объяснения, Александр Михайлович хмыкнул:

– Ну, бабы, придут же такие глупости в голову! Ладно, пошли вместе, сам предложу деньги.

Мы приблизились к дверце со стороны водителя, полковник пальцем постучал в тонированное стекло. Никакого эффекта. Александр Михайлович крикнул и постучал снова, на этот раз приоткрылась маленькая щелочка.

– Чего надо? – донеслось из салона.

– Деньги, – неудачно начал разговор полковник, и тут дверь распахнулась.

Я захлопала глазами, на водительском месте сидела тетка лет пятидесяти, закутанная в пуховик отвратительного грязно-фиолетового цвета.

– Вы, менты, совсем с ума посходили! – с чувством выпалила она. – Ну, блин, ваще! Ты ведь полковник?

– Ага, – растерянно кивнул Дегтярев, разряженный в милицейскую форму.

– И не стыдно?

Александр Михайлович опешил, а тетка стала орать с такой силой, что вокруг нас мигом собралась гигантская толпа, у бабищи оказался хорошо поставленный голос и отлично развитые легкие.

– Люди добрые, – визжала она, – глядите, чего делается! Стою себе спокойно, в разрешенном месте, тут появляется ментяра, отпихивает меня к знаку «Остановка запрещена» и требует деньги! Сволочь!

Я подняла глаза и увидела, что мы с Александром Михайловичем и в самом деле дотолкали машину до того отрезка дороги, на котором категорически не разрешено парковаться.

– Обнаглели! – послышалось из толпы.

– А еще полковник!

– Все они такие!

– Ну и примочка!

Александр Михайлович решил оправдаться, но снова не с того начал:

– Деньги...

– Во! – с утроенной силой заверещала тетка. – Слышали! Вымогатель!

– А еще они наркоту людям подсовывают!

– Фильм помните, где Жеглов кошелек вору запихал?

– Ой! Что делается-то! Люди! В какое время живем!

Александр Михайлович побагровел, а я, стряхнув оцепенение, ринулась ему на помощь:

– Прекратите вопли! Нас позвала ваша дочь!

– Дочь? – скривилась баба. – У меня ваще-то два сына!

– А где девушка? – окончательно растерялась я.

– Какая? – ехидно прищурилась склочница.

– Та, что просила ее машину толкнуть.

– Не знаю, – снова принялась орать баба, – я приехала, припарковалась, заявляется мент, отпихивает машину за знак и требует бабки! Сволочь!

Тут только я догадалась оглянуться – достаточно далеко от места происшествия, около серо-белого грязного автомобиля маячила худенькая фигурка в короткой курточке. Я перепутала машины. Скорее всего, пока объясняла Дегтяреву суть проблемы, за автомобилем девицы пристроилась баба точь-в-точь на такой же грязной серо-белой тачке.

Думаю, не стоит вам передавать слова, которыми награждал меня полковник, пока мы шли назад под гневный вопль бабы и оскорбительные выкрики толпы.

Я полагала, что Александр Михайлович давным-давно забыл об этой дурацкой истории, ан нет, оказывается, помнит.

Решив, что на сердитых воду возят, я молча посмотрела через окно прихожей вслед приятелю. Дегтярев дотащил рюкзак до калитки и начал хлопать себя по карманам: все

правильно, он опять потерял пульт.

Полковник ткнул пальцем в кнопку, и над моим ухом запел звонок.

– Кто там? – изобразила я полнейшее удивление.

– Открой дверь!

– Но ты же в саду, – прикинулась я идиоткой.

– Хочу выйти!

– И что мешает?

– Калитка заперта.

– А где пульт? Посеял?

– Никогда ничего и ни при каких обстоятельствах не теряю! – взревел Дегтярев.

– Тогда воспользуйся электронным ключом и выходи, – съязвила я.

Александр Михайлович засопел.

– Кстати, там, под ручкой, имеется кнопка, она для тех, кто лишился «открывалки», нажимай смело! Дверка откроется, или забыл такую элементарную вещь?

– Не страдаю маразмом, – отрезал полковник, – просто руки заняты!

– Но домофоном-то сумел воспользоваться, – ехидно напомнила я, открывая растеряхе калитку, – счастливого пути, дорогой, удачного отдыха, наслаждайся зимней рыбалкой!

– И тебе того же! – рявкнул полковник, выскакивая на дорогу, где его поджидало такси.

Я замерла, потом обозлилась. Интересно, что он имел в

виду, пожелав: «И тебе того же»? Ведь подледный лов – явно не моя стихия, в нашей семье лишь один ненормальный способен, укутавшись в тулуп, сидеть на пронизывающем холоде с удочкой в руках. Что касается меня, то лучше уж куплю севрюжку в магазине и съем ее в теплой комнате у телевизора... А может, сказать ему пару ласковых на прощание?

Руки схватили мобильник, пальцы привычно набрали номер полковника. Ту-ту-ту... – полетело в правое ухо, в то же мгновение левое уловило заунывную мелодию.

Не так давно Аркашка подарил Дегтяреву новый аппарат, с полифонией. Из всего огромного количества предложенных мелодий полковник выбрал самую заунывную. Когда я слышу ее, мне мигом представляется ритуальный зал крематория, рыдающая толпа родственников, гроб, уезжающий за бархатные занавесочки... в общем, самый подходящий мотивчик для мобильного. Но откуда доносится звук? Не успев задать себе вопрос, я уже узнала ответ, вернее, увидела: в кресле на подушке «плакал» новый сотовый Дегтярева – Александр Михайлович забыл его дома.

Неожиданно раздражение и желание «ущипнуть» полковника исчезло. Ладно, пусть отдохнет, вернется назад спокойным, довольным и даже не вспомнит о нашей нелепой ссоре. В конце концов, в семье случается всякое, главное – не заикливаться на конфликтах. И очень хорошо, что он временно лишился телефона, пусть «релакс» полковника будет полным.

День потянулся своим чередом, холодная, выюжная, совсем не весенняя погода не вызывала никакого желания покидать уютный дом, и я решила не ездить в город. Особых дел у меня там не было, поэтому сначала я выпила кофе, потом пошаталась по комнатам, от скуки выкупала Хуча и расчесала Жюли, а затем с чувством исполненного долга плюхнулась в гостиной на диван с книгой в руке. Неожиданно глаза начали слипаться, и я мирно заснула под натужное завывание ветра в каминной трубе.

Глава 2

В доме полыхал огонь. Тревожный звук похоронного марша бил по ушам, я вскочила и тут же опять шлепнулась на подушку: все ясно, нет никакой беды, тепло исходит от питебуля Банди, который прижался к хозяйке своим горячим боком. Я просто задремала в гостиной, а роль отвратительного оркестра исполняет телефон Дегтярева. Рука потянулась к мобильнику, но он уже заткнулся, я закрыла глаза, но заснуть не удалось – ожил домашний аппарат.

Блям-блям-блям...

Я схватила трубку.

– Слушаю.

– Можно Сашу?

– Вы не сюда попали.

Ту-ту-ту.

Тело снова вытянулось на диване, рука включила торшер. Надо же, только семь часов вечера, а темнота такая, будто полночь пробило. В доме тишина. Зайка, Аркадий и Маня еще не вернулись из города, а Ирка, очевидно, отправилась в свою комнату смотреть телик. Ну и чем мне заняться? Попить чаю или поужинать?

Блям-блям-блям! – заорал телефон.

– Слушаю, – сказала я.

– Можно Сашу? – спросил все тот же нервный женский

ГОЛОС.

– Девушка, вы опять ошиблись.

– Я не девушка, – взвизгнула собеседница, – и вообще, это какой телефон?

Я невольно улыбнулась – ну зачем сообщать всем, что потеряла невинность, хотя, скорее всего, дама имела в виду нечто другое. Проявлю вежливость, скажу номер. Услыхав названные цифры, незнакомка обозлилась окончательно.

– Что вы мне голову морочите?!

– Простите, это вы сюда звоните, – отбила я нападение, – а я сижу себе спокойненько у камина.

– Сашу позови!

– Тут таких нет.

– Дегтярева!

– Александра Михайловича? – изумилась я.

– Ну!

– Он уехал.

Не знаю, по какой причине, но никто и никогда не зовет полковника Сашей. В нашей семье у него есть прозвище, которое произносится, как правило, за глаза. Ну согласитесь, не слишком корректно называть человека в лицо «старым мопсом», но именно это выражение употребляет большинство домашних, влетая в особняк. Не далее как вчера Аркадий, стаскивая в прихожей ботинки, поинтересовался у Ирки:

– Кто на месте?

– Дарья Ивановна, – сообщила домработница.

– А старый мопс? – продолжил Кеша. – Отойди, Хучик, не о тебе речь, ты-то у нас пока молодой.

Иногда мне кажется, что полковник знает, какое прозвище дали ему гадкие дети, один раз Маня ворвалась в столовую с воплем:

– Кто пролил на мопса чернила?

Дегтярев, читавший в кресле газету, поднял голову и спокойно ответил:

– Никто, я абсолютно чистый.

Маруська слегка покраснела и быстро перебила полковника:

– Так не о тебе речь, а о Хучике.

– А-а-а, – протянул Александр Михайлович и снова углубился в чтение.

Но Сашей его не зовет никто, даже я. Правда, раньше Манюня величала Дегтярева «дядя Саша», но это длилось недолго.

– Вам нужен Александр Михайлович Дегтярев? – решила я уточнить на всякий случай.

– Ага, муженек наш, – преспокойно заявила тетка.

Я шлепнулась на диван.

– Извините, очень смешно получилось. Тут на самом деле обитает полный тезка вашего родственника, Александр Михайлович Дегтярев, случаются же такие совпадения!

Тетка бросила трубку, а я взяла детектив, открыла книгу

и снова слышала:

Блям, блям, блям.

– Алло!

– Мне Сашу!

Настойчивость глупой бабы начинала меня раздражать.

– Его здесь нет.

– А куда подевался?

– Он тут не жил!

– Кончай врать! Разговаривала с ним! И мобильный знаю!

Ишь, решил спрятаться! Наплел черт-те что и думал, я поверила. Твой номер какой?

Я терпеливо продиктовала цифры.

– Он самый, позови Сашу.

Я швырнула трубку. Тетка либо сумасшедшая, либо непонятлива до кренинизма, а может быть, просто телефонная хулиганка, попадаются такие особи, обожающие терроризировать ни в чем не повинных людей.

Блям, блям, блям.

– Слушаю, – процедила я сквозь зубы, горько сожалея о том, что у нас нет определителя номера.

– Сашу, – потребовала баба, – давай зови, дома он сидит, точно знаю, обещался разобраться, а теперь понимаю, он самый и был, а не кто-то другой, ишь, прикинулся, голову заморочил, поверила ведь сначала!

Я набрала полную грудь воздуха, чтобы сохранить приветливый тон, и сказала:

– Уже бежит, сейчас подойдет.

– Сразу бы так, – гавкнуло в ухе.

Я схватила свой мобильный, набрала номер садовника Ивана и поинтересовалась:

– Чем занят?

– Киношку гляжу, про пингвинов, – сонно ответил Иван.

– Иди скорей в гостиную.

– Ага, несусь! – воскликнул садовник.

В ту же секунду в коридоре раздался грохот, затем вопль Ирки:

– Офигел совсем, никого не видишь.

– Меня Дарь Иванна ждет, – пытался оправдаться Иван.

– Да хоть папа римский, – не успокаивалась Ирка, – расшвырял все, собирай теперь.

Я спокойно ждала, пока закончится свара, наконец садовник втиснулся в гостиную.

– Звали? – тяжело дыша, спросил он.

– Возьми трубку и скажи: «Саша у телефона».

– Зачем?

– Так надо.

– А дальше че?

– Ничего, выслушай женщину и спокойно ответь: «Я не тот Саша, другой».

– Я?

– Дай договорить. Значит, так, скажи ей: «Я совершенно другой человек!»

– Садовник, – влез со своим уточнением непонятливый Иван.

– Не надо подробностей, скажи, что велят.

– Зачем? – недоумевал садовник.

– Так надо, напугай хулиганку и добавь: «Наш номер стоит на прослушивании в милиции, и, если еще раз зря побеспокоите людей, окажетесь в отделении».

– Вау! Вот не знал про подключку! Прикольно!

– Ваня, – собрав в кулак все отпущенное мне от природы терпение, простонала я, – бери телефон и повторяй за мной: «Саша у аппарата».

– Ага, Саша тута, – сообщил Иван, пару секунд помолчал, затем лицо его стало краснеть и краснеть. – Сама ты пошла... – завопил садовник. – Дура! Ща точно приеду и по шеям накостыляю!

Отведя душу, Иван положил трубку на столик и выдохнул:

– Во зараза!

– Что она сказала? – поинтересовалась я.

Иван покосился на дверь.

– Ну, повторить неудобно!

– Давай, не стесняйся.

– Э... э... ой, нет.

– Иван!

– Ладно, – кивнул садовник, – только я, как в телевизоре, вместо мата буду «пи» выдавать.

– Хорошо, начинай.

– Я сказал: «Саша тут».

– Дальше!

– А она того... «Дегтярев Александр Михайлович?»

– Говори быстрее.

– Пи-пи-пи-пи-пи.

– Это все?

– Нет.

– Иван, ты способен изъясняться по-человечески?

– Так вроде нормально слова произношу.

– Но очень медленно!

– Уж как умею, – обиделся садовник, – могу и вовсе замолчать!

– Что еще сообщила тетка?

– Пи-пи-пи-пи-пи...

– Дальше!

– «Немедленно возвращайся к жене, мерзавец! Если адрес забыл, напоминаю! Строгинский бульвар...»

– Это все?

– Не-а.

– Что еще?

– «Мерзавец! Водить меня за нос надумал! Второй раз другим представляешься! Ну ничего, мало тебе не покажется». Пи-пи-пи-пи-пи, – бойко ответил Иван. – Вот теперь все!

Я вскочила с дивана.

– А ну, быстро запиши мне координаты хулиганки на бу-

маге! Тот адрес, что она тебе назвала!

– Зачем?

– Хватит задавать дурацкие вопросы! – воскликнула я, кидаясь к себе в комнату.

Ну, сейчас поеду на Строгинский бульвар, который находится недалеко от Ново-Рижского шоссе, поднимусь в квартиру к нахалке и узнаю, по какому праву она хамит людям по телефону и отчего называет себя родственницей Александра Михайловича Дегтярева.

Несмотря на снегопад и темень, «Пежо» добрался до серой бетонной башни очень быстро, на первом этаже тут находился зоомагазин, и я решила, поскандалив с хулиганкой, купить нашей стае всяких вкусностей.

Дверь нужной мне квартиры распахнулась без всяких вопросов, на пороге показалась женщина лет пятидесяти. Тонкая, худющая – кожа и кости, – куталась в грязноватый байковый халат, ноги-спички впихнуты в драные тапки, седые сальные волосы стянуты на затылке резинкой.

– Вам кого? – голосом, начисто лишенным каких бы то ни было эмоций, спросила она.

– Тебя, – прищурилась я.

– Вы кто?

– Даша Васильева.

– Мы знакомы?

– Нет, но сейчас представимся друг другу. Кстати, совсем

недавно вели милую беседу.

– Со мной? – словно сухая трава под ветром, прошелестела незнакомка.

– Ага. Ты звонила нам домой.

– Я?

– Нечего прикидываться! Назвалась женой Александра Михайловича Дегтярева, ругалась... Кто дал право...

Хозяйка побледнела и, нервно оглянувшись, зашептала:

– Умоляю, уйдите.

– Значит, это ты!

– Пожалуйста, спуститесь вниз.

– Как бы не так! – обозлилась я. – Впрочем, ладно, временно покину квартиру, но вернусь сюда вместе с милицией!

Незнакомка позеленела, раскрыла рот, и тут в прихожую вышла другая женщина, полная, растрепанная и тоже в байковом халате.

– Вам че надо? – с места в карьер налетела она на меня.

Я тут же узнала голос, мне звонила не худая баба, а эта толстуха. Решив, несмотря ни на что, выяснить, откуда она раздобыла наш телефон, я уперла левую руку в бок, открыла рот и... тут увидела лицо худышки.

Тощая, жердеобразная фигура маячила за жирной тумбой. На лице пятидесятилетней особы запечатлелось такое отчаяние, что все заготовленные слова застряли у меня в горле. Маленькая щуплая ручонка была крепко прижата ко рту – незнакомка явно молила о молчании.

– Ошибка вышла, – выдавила я из себя, – ищу Петровых... Таню и Катю.

– И не фиг людей беспокоить, – завелась толстуха, – приперлась, влезла! Нету тут таких, отродясь не квартировали! А ты, Лидка, куда глядишь? За каким хреном двери распахиваешь? В Москве живем, тут кругом сволочь одна или воры!

– Прости, тетя Клава, – прошептала Лида, – случайно вышло, руки сами дверку распахнули.

– Дура ты, – рявкнула Клава, – а вам прощевайте, шукайте Петровых в другом месте, здесь их точно нет, тут мы живем, Ивановы. Я с Лидкой! Ну, че стоишь, выпихивай ее!

Я сделала шаг назад. В Ложкино, конечно, звонила Клава, ее гнусавый тембр не спутаешь с другим. Но отчего Лида перепугана до смерти? С какой стати, стоя за спиной хамова-той родственницы, прижимает пальцы к губам и умоляюще глядит на меня? И при чем тут Александр Михайлович?

Из глубины квартиры донесся телефонный звонок, Клава развернулась и ушла, бросив на ходу:

– Дверь не забудь запереть хорошенько.

– Спасибо, – зашептала Лида, – похоже, вы хороший человек, пожалуйста, уходите, иначе мне очень плохо придется.

– Откуда ты знаешь Дегтярева?

Лида окончательно пришла в замешательство:

– Кого?

– Не кривляйся, имя Александра Михайловича тебе отлично знакомо!

– Он... да... а... нет, – залепетала тетка, – уходите скорее, сейчас Клава вернется, и такое приключится, что и подумать страшно.

– Лидка, – донеслось из коридора, – вход затворила?

– Не уйду, пока не объяснитесь! – прошипела я.

По щеке Лиды поползла слеза, мне стало не по себе, на языке уже завертелось: «Ладно, прощайте», – но тут хозяйка в полуобморочном состоянии пролепетала:

– Езжайте вниз, там зоомагазин открыт, подождите меня в тепле, скоро спущусь.

Я молча кивнула и направилась к лифту.

Лида появилась в торговом зале минут через двадцать, я не только успела купить кучу косточек для собак и игрушечных мышей для кошек, но и вволю полюбоваться на бойко снующих в аквариуме черепах, рыбок и рептилий. В особый восторг привел меня хамелеон с вращающимися глазами. Все-таки человек – самое некрасивое и неаккуратное создание природы, даже хвоста у него нет, а ведь он мог очень пригодиться нам, в особенности женщинам. Многодетные мамочки, у которых в каждой руке по малышу, мучаются, совершая покупки в магазинах, задача у них – сложная: ну как ухватить полную сумку? Вернее, чем? При наличии хвоста сия проблема отпала бы сама собой: повесила кошелку на отросток позвоночника – и в путь. Хотя нет, хвост лучше протянуть детям, а торбу взять в руки. Представляю, какие

статьи печатали бы глянцевого журналы: «Голый хвост – писк сезона» или «Фитнес сделает хвост до неузнаваемости подтянутым». Интересно, наши «метелки» были бы волосатыми? Если да, то на телевидении появилась бы реклама всяких средств для придания пышности...

– Извините, что задержала, – тихо прожурчало сбоку.

Я вздрогнула, бог с ним, с хвостом, лучше иметь уши, как у кошки, и глаза хамелеона, вот тогда к тебе точно никто не подкрадется незаметно.

– Сразу было не уйти, – продолжала Лида, – пришлось подождать, пока тетя Клава сядет сериал смотреть. Простите, а вы кто?

– Дарья Васильева, – спокойно ответила я, – подруга Александра Михайловича Дегтярева, которого твоя тетя Клава отчего-то называет родственником. Но точно знаю, полковник не женат, мы живем в одном доме много лет, и никаких баб около Дегтярева нет. Так в чем дело? Лучше не врать, потому что, почуяв ложь, отправлюсь в милицию.

Лида вспыхнула огнем.

– Вам звонила тетя Клава?

– Именно так.

– Прямо назвалась? Здравсти, меня Клавой кличут?

Я нахмурилась.

– Даже не начинайте выворачиваться. Нет, она не сообщила ни имени, ни фамилии, но Клава имеет хорошо запоминающийся голос, и еще она назвала ваш адрес.

– Саша – мой муж, – проямлила Лида.

Я отшатнулась к аквариуму.

– Дегтярев?

– Ну... да.

– Александр Михайлович?

– Э... э... да! Только это разные Дегтяревы.

– Простите, ничего не понимаю.

– Очень просто, в Москве имеются два Александра Михайловича, – бойко заявила Лида, – что тут удивительного?

– Дегтяревы?

– Ага.

– Интересное совпадение.

– Случается, – дрожащим голосом подхватила баба, – у актеров такого полно, вот, например, Васильева, их вроде несколько, еще Чурикова. Одна в кино снимается, другая «Фабрику звезд» ведет.

– Ловко, – протянула я, – а еще, они оба Александры Михайловичи и оба проживают в Ложкине!

– Нет, – шепнула Лида, – мой у нас обретался, а потом пропал, вот почему тетя взъелась, она вас по справке небось нашла, но дали ей не тот телефончик.

Я повернулась и пошла к выходу.

– Вы куда? – кинулась за мной Лида.

– Поеду на работу к Дегтяреву, – мирно сообщила я, – пусть там проверят, что за двойник появился у сотрудника.

Лида вцепилась в рукав моей куртки.

– Стойте.

– Зачем?

– Не надо никуда ходить.

– Почему?

– Не надо.

– У меня иное мнение по сему поводу.

– Остановитесь, – лепетала Лида, но я выдернулась из ее цепких, тощих ручонок и вмиг оказалась у «Пежо».

– Ну, пожалуйста, – взмолилась тащившаяся сзади Лида, – ну, ладно, расскажу вам правду!

Я открыла дверцу.

– Садись, но имей в виду, еще одно вранье...

– Нет, нет, – затрясла головой тетка, – вы только выслушайте внимательно, а то не поймете. Уж не знаю, с чего начать!

– С самого начала.

Лида влезла в «Пежо» и неожиданно воскликнула:

– Ой, какая машина шикарная! Первый раз в такой сажу, дорогая небось?

Я промолчала, все в этой жизни относительно. Шейх из Саудовской Аравии, обладатель нефтяных скважин, постесняется использовать «Пежо» в качестве будки для дворовой собаки, а для бедной пенсионерки произведение французских автомобилестроителей – недостижимая роскошь.

– А откуда у вас деньги? – бесцеремонно поинтересовалась Лида.

– Ты работаешь в налоговой полиции? – прищурилась я. – Можешь не стараться, наша семья платит необходимые отчисления государству и спит спокойно.

– Что вы, – замахала руками Лида, – какая полиция! Просто хотела начать разговор.

– Очень мило!

– В том смысле, что некоторым везет, вот как вам, богатая семья, а мне... Да за все тридцать лет копейки лишней не имела!

Я оперлась о руль.

– Извини за бестактность, но сколько тебе лет? Неужели тридцать?

Честно говоря, я полагала, что Лида, отбросив ненужное в данной ситуации кокетство, сообщит:

– Да нет, завтра пятьдесят исполнится.

Но тетка вздохнула и тихо ответила:

– Не совсем, двадцать восемь сравнялось.

– Сколько? – весьма невежливо переспросила я.

– Выгляжу немного старше, – понурилась Лида.

«Ничего себе немного», – чуть было не ляпнула я, но сдержалась и вымолвила иную, впрочем, тоже не совсем удачную фразу:

– Ты же наполовину седая!

Лида глянула в боковое зеркало.

– Вы об этих прядях?

– Да.

– Это мелирование, хотела модно выглядеть, а получилась ерунда. Да чего ждать, если ходишь в дешевую парикмахерскую?

Глава 3

Я молча стала разглядывать Лиду. Милые мои, неправда, что красота и богатство идут рука об руку. Вовсе не обязательно одеваться в дорогих бутиках, чтобы выглядеть очаровательно. Надо так подбирать вещи, чтобы они скрывали недостатки и подчеркивали достоинства. Вот сейчас на Лиде мешковатая куртка мышиного цвета, длиной почти до колен, из-под нее торчит юбка, прикрывающая лодыжки, далее виднеются сапожки на платформе. Но молодой женщине, худенькой, почти бестелесной, следовало купить себе яркий, короткий пуховик, коими полны сейчас магазины и рынки, а вместо идиотской тряпки, болтающейся на талии, нужно приобрести узкие брючки или джинсы. Вот тогда Лида перестанет казаться палкой, замотанной в дерюгу, а будет выглядеть стройной особой, чьи изящные бедра вызовут зависть у большинства женского населения. И вовсе нет необходимости гоняться за штанами от ведущих кутюрье, можно взять самые недорогие брюки, главное ведь, чтобы «костюмчик сидел»!

Потом, прическа! Да, согласна, множество женских проблем, с которыми не справились ни психолог, ни психоаналитик, легко разрешит парикмахер. Вы представить себе не можете, до какой степени легко приукрасить или, наоборот, изуродовать даму при помощи ножниц и краски! Лида явно

попала в руки к горе-цирюльнику. Девушку следовало тонировать, допустим, в рыжий цвет, сделать ей спиральную химию, и тогда яркий тон освежит бледное лицо, а жидкие волосы покажутся пышными. И что толку ныть постоянно:

– У меня не хватает средств на дорогой салон!

Так и быть, открою вам тайну. Все элитные парикмахерские Москвы имеют учеников. Будущие мастера тренируются сначала на простых процедурах, например, мытье головы, но в конце концов наступает момент, когда «студентам» пора взять в руки ножницы. Но на ком им, простите, приобретать навыки? Ни одна клиентка дорогого салона, дама, способная вышвырнуть немеренные тысячи за стрижку и укладку, не разрешит прикоснуться к своим волосам ученице. И что делать? Вот тут и наступает ваш час.

Сначала хватаем справочник и выписываем телефоны супердорогих салонов, затем методично обзваниваем их, пронося одну и ту же фразу:

– Хочу послужить для вас моделью.

Будьте готовы к вопросам администратора типа:

– Какой длины у вас волосы? Выются ли они? Делали ли химию?

Спокойно отвечайте на все, вполне вероятно, что услышите в ответ:

– Извините, мы не нуждаемся в моделях, – или: – Приходите через полгода, записали вас в лист ожидания.

Не надо расстраиваться, терзайте телефон дальше, где-

нибудь да найдется местечко. Конечно, стричь или красить вас станет ученица, но рядом с ней обязательно будет стоять мастер, суперпрофессионал, который подправит прическу, и вы получите восхитительную голову за копеечную цену. А если продемонстрируете хорошее воспитание, похвалите ученицу, скажете пару ласковых слов девушкам на ресепшн, то место модели останется вашим на долгие годы. Кстати, маникюрщиц и педикюрщиц тоже обучают на добровольцах, надо просто обратиться в центры, где они получают образование.

И еще: помада стоимостью в тысячу рублей и «мазилка» в десять раз дешевле смотрятся на губах одинаково, пудра и тушь тоже не кричат о том, где их взяли. Поэтому, правильно подобрав косметику на триста рублей, станете выглядеть на три тысячи долларов, главное, не ныть: «Ах, нету денег», а смело рулить в магазины, посещать распродажи, старательно рыться в корзинах у касс, куда сбрасывают «уценку».

Кстати, еще один совет! У вас нет денег на хорошие французские духи, а предстоит свидание с любимым мужчиной?

С самым гордым видом входим в большой магазин и общаем продавщице:

– Хочу приобрести новый парфюм, какой тут самый модный?

Вас отведут к полкам и станут предлагать всякие ароматы. Девушка в форменной одежде начнет брызгать из флакончиков на бумажку и давать вам понюхать полоску.

Выбирайте понравившийся запах и заявляйте:

– Вроде ничего, теперь на себе попробую.

Затем берите тестер и обшикивайтесь от души, обливайтесь смело, вам не сделают замечаний, потому что духи – вещь хитрая, на бумаге они имеют один аромат, а на женской коже другой, причем вы и ваша подруга, обрызгавшись одной и той же новинкой, станете источать разные запахи.

Щедро наплескав на себя сногшибательные духи, начинайте кашлять и со словами: «Вау, аллергия началась», – покидайте лавку.

Французские духи стойкие, будете волшебным пахнуть целые сутки. Кстати, хитрые иностранки давно применяют эту мульку. Парижанки, например, очень экономны, если не сказать скарредны, поэтому перед работой многие из них залетают в парфюмерный отдел, пользуются тестером и уносятся в облаке волшебного аромата.

Даже не имея денег, можно выкрутиться и не выглядеть мочалкой, только не надо падать духом, ныть, как делает сейчас Лида, старательно рассказывающая о своей тяжелой жизни. Хотя, похоже, судьба и в самом деле не дарила женщине мешков со счастьем.

Своего отца девочка не знала, ее мать Светлана, в отличие от многих женщин, честно сказала дочери:

– А шут его знает, куда делся! Алиментов с него не требовать, расписаны не были, ты вообще-то случайно получи-

лась, мне уже давно не двадцать было, хотела аборт сделать, а потом решила: фиг с ней, нехай живет.

Услыхав откровения безалаберной матери, Лида испытала настоящий ужас. Как, ее, значит, собирались убить? Вот так, запросто? Она никогда бы не появилась на свет? Значит, Лидочка топчет землю по чистой случайности?

Новость настолько ошарашила девочку, что она стала жить с извиняющейся улыбкой на лице, с одной стороны, ощущая огромный дискомфорт, с другой – невероятную благодарность к маме, а как же иначе? Ведь именно мамочка позволила ей появиться на свет божий.

Светлана же не желала иметь никаких заморочек с дочерью, сдала сначала в ясли, затем на пятидневку в садик. До семи лет Лидочка в основном жила в детских учреждениях, в родную квартиру попадала лишь в пятницу вечером. Светлана дочь не притесняла, покупала той немудреные игрушки и простые обновки, она не пила, не курила, но очень хотела выйти замуж, а наличие в доме ребенка мешало ее matrimониальным планам. К тому же Светлане, бухгалтеру по образованию, приходилось порой сидеть на службе сутками. Но кто мог позаботиться о малышке? Близких-то родственников не было, конечно же, крохотной Лидочке было лучше на государственном обеспечении, в садике кормили, вовремя укладывали спать, а еще там было весело. Лида, в отличие от многих детей, тосковала в родных стенах. Да разве они были родными? Отчим домом являлся садик, там стояла

любимая кроватка и имелись привычные игрушки. А у мамы спать приходилось на большой софе и лялаться с двумя потрепанными куклами.

Переход в школу оказался трудным для Лиды, в семь лет ей пришлось научиться самой греть обед, открывать дверь, мыться в огромной ванне.

Когда Лидочке исполнилось пятнадцать, мама неожиданно бросила работу бухгалтера. Желание заполучить мужа превратилось у нее в манию, и она решила круто изменить свою жизнь. Светлана нанялась проводницей на железную дорогу. Расчет был прост: в бухгалтерии толкутся одни бабы, а в вагоне можно встретить приятного холостого мужчину и связать с ним жизнь.

Теперь Лида осталась практически одна, мама каталась на поезде Москва – Владивосток – Москва, а девочка старалась нормально учиться и вела хозяйство. Никаких угрызений совести Светлана не испытывала, вернувшись после рейса, быстро мылась и уносилась либо к подружкам, либо на какую-нибудь дискотеку для одиноких теток. Лида кисла дома, друзей у нее не было, девочка стеснялась убогости квартиры, поэтому никого не звала в гости. А одноклассники считали скромность Лидочки спесью, застенчивость – гадким снобизмом и не приглашали девочку ни на какие вечеринки, дни рождения или гулянки. Жизнь проносилась мимо Лиды, после уроков она приходила домой, варила себе макароны и усаживалась у телевизора. Странно, но Лидочка

Иванова не толстела, а худела от подобного образа жизни.

Вот Светлана, так та отрывалась на полную катушку, в ее судьбе постоянно появлялись мужчины, но... на один рейс. Замужества никто из мимолетных любовников не предлагал.

Лида закончила восемь классов и пошла учиться на бухгалтера – попытать свои силы на ином поприще ей даже в голову не пришло.

Светлана продолжала кататься по железной дороге, надежда выйти замуж не оставляла ее, и в конце концов судьба сжалилась над уже немолодой женщиной. Ей посчастливилось получить предложение руки и сердца от военного по имени Петр, а фамилия у него была, как у будущей жены, – Иванов.

Обрадованная сверх меры, Светлана не обратила внимания на недостатки партнера. Петр был, мягко говоря, некрасив, не имел жилплощади, ютился в общежитии, зарабатывал копейки, но это был единственный человек, произнесший волшебные слова:

– Выходи за меня.

И Светочка с закрытыми глазами ринулась в омут счастья.

Она моментально бросила работу проводницы, вновь стала бухгалтером и прописала Петю у себя.

Даже у Лидочки начали возникать вопросы. Если приобретенный отец – военный, то почему он не ходит на службу? Отчего целыми днями валяется на диване и пьет пиво?

В конце концов девушка осторожно осведомилась у мамы:
– Петр в отпуске?

– На пенсии, – отмахнулась Света, – вот наше государство какое! Человек и в Афганистане служил, и в Чечне, а его вон вышибли, копейки не дают!

Лидочка притихла, в душе, правда, копошились сомнения: если «папочка» воевал в Афганистане, то как же он попал в Чечню? Да еще совсем недавно? Неужели мужчину за пятьдесят могли поставить под ружье? И потом, бывшим офицерам платят пенсию, пусть и небольшую, но дают ее регулярно, а Петр не получал ни копейки.

Но чтобы не расстраивать счастливую мамусечку, Лида молчала. Впрочем, жизнь шла хорошо. Петр в конце концов слез с дивана и начал заниматься ремонтом, сколотил бригаду, стал наниматься к людям. В качестве помощницы он вызвал из деревни свою сестру Клаву Иванову, та умела красить потолки, стены, класть плитку.

Лиде пришлось спать на кухне, в их однокомнатной квартире стало очень тесно. Мама и Петр раскладывали на ночь софу, Клава устраивалась на надувном матрасе в коридоре.

Летом Светлана и Петр поехали в деревню, к его родным, Клава осталась в Москве. Мама, собираясь в путь, предложила дочери:

– Хочешь с нами?

Обрадованная Лидочка закивала, но тут Клава пнула девушку в бок и шепнула:

– Не езд.

– Почему? – удивилась Лида. – Меня мама в первый раз отдохнуть зовет.

– Не надо, плохо кончится, – сухо ответила Клава. – Эх, жалко Светку, хорошая баба, только Петька мозги ей запудрил, она ничего не видит, никого не слышит, разум потеряла. Но ты-то нормальная! Сиди дома. Я своего брата хорошо знаю, от него одно горе, впрочем, сама с ними отправлюсь, может, уберегу, а ты тут одна поживи.

Сама не понимая почему, Лида послушалась Клаву и осталась дома. Веселая Светочка вместе с мужем и Клавдией умотала в Тульскую область, через пять дней оттуда пришло известие: Петр Иванов убил свою жену.

Когда почти ослепшая от слез Лидочка явилась по вызову в милицию, на ее голову хлынул поток невероятных сведений. Петр никогда не был военным, добрую половину жизни мужик провел на зоне за убийство своих жен. Первую, Елизавету, зарезал, вторую, Нину, задушил, а Светочку избил до смерти.

– Просто обалдеть можно, – в сердцах восклицал следователь, – что за дуры вы, бабы, а? Знать о двух убийствах и идти за мерзавца замуж.

– Мамочка была не в курсе, – лепетала Лида.

Милиционер с жалостью поглядел на девушку.

– Ага! Она тебе просто не говорила, ведь прописывала урода к себе, оформляла документы. Вот, сделай выводы,

никогда не связывайся с судимым, что бы там народ ни кричал, зря за решетку не упрячут, да еще по убойной статье.

Поджидавшая дома Клава только вздохнула и обняла Лиду.

– Ты знала правду? – воскликнула девушка.

– Да, – кивнула Клава, – конечно. Лиза наша была, деревенская, а Нинку он из Москвы привез. Ревнивый Петька, страсть, а если выпьет, разум теряет.

– Почему же маме не сказала? – шептала Лидочка.

– Так сто раз твердила! – отозвалась Клава. – А она в ответ: «Хоть и сестра ты Петяне, а злобина. Судьба у моего мужа несчастная, прошмандовки попадались, сами виноваты, изменяли супругу, вот он и не стерпел. А я порядочная, он со мной по-другому себя ведет». И чем закончилось? Уж не гони меня в деревню, там жить не вмоготу. Буду тебе вместо матери.

Лидочка кивнула, она не хотела куковать одна.

Клавдия и впрямь постаралась заменить Лиде мать, тетка по-прежнему занималась ремонтом чужих квартир и имела безупречную репутацию. Патологически честная Клава старательно молчала о наличии брата, мотавшего очередной срок за убийство, и заказчики охотно нанимали работающую маляршу. Впрочем, Петру дали такой срок, что ждать его обратно было незачем, – если мужик и доживет до свободы, то за ворота выйдет стариком.

Клава заботилась о Лиде, покупала той вещи, правда, на

свой вкус, готовила еду и никогда не ездила в деревню.

– Нет там никого, – ответила она однажды на вопрос Лиды, – все перемерли, Петька сидит, изба развалилась.

Через некоторое время Лидочке начало казаться, что они с Клавой всю жизнь провели вместе. Если честно, то Света никогда так не беспокоилась о Лиде, как богоданная тетка. Клавдия купила мобильный телефон и, если девушка задерживалась на работе, всегда звонила и спрашивала:

– Ты где? Давай у метро встречу! Еще пристанет кто.

Лида мрачно улыбалась, никакого к себе интереса со стороны мужчин она не замечала, никто не желал причинить ей зла, впрочем, добра тоже, кавалеров у тихой, застенчивой, по-старушечьи одетой Лиды не было никогда. А девушке очень хотелось найти вторую половинку, встретить своего принца.

Год тому назад у Клавы заболел желудок, да так сильно, что тетку пришлось отвезти в больницу. Врачи диагностировали язву и, вполне удачно сделав Клаве операцию, посоветовали женщине съездить в санаторий. Малярша, никогда не отдыхавшая в здравницах, вдруг сказала:

– Есть у меня кой-чего, копила на смерть, да, видно, поживу еще, может, и впрямь отправиться пить воду?

Лидочка сбегала к своему начальнику и выпросила для Клавы путевку, с большой скидкой. Здесь уместно сказать, что Лида трудится бухгалтером в крупной туристической фирме и до этого момента, в отличие от других сотрудников,

никогда не заикалась ни о каких одолжениях.

В начале марта Клавдия уехала в Карловы Вары, аж на тридцать дней, а Лида осталась одна. Через двое суток девушка пожалела, что у них нет кошки, уж больно тоскливо было в доме, до того плохо и тихо, что Лидочка потопала в полночь в круглосуточный супермаркет, за пиццей.

Когда девушка собралась оплатить покупку, кассирша тихо сказала:

– Другим бы не сказала, но ты же постоянная покупательница. Не бери, дрянь сплошная. Тесто как картонка, начинка кислая.

– Спасибо, – ответила Лида, – а какую прихватить?

– Все дерьмо! Лучше торт купи.

– Мне пиццу охота.

Кассирша чихнула, потом взяла свою сумочку, порылась в ней, вытасила визитку и сунула Ивановой.

– Вот, звони, на дом привезут через полчаса, их контора тут в двух шагах, ночью пробок нет.

– Ой, наверное, дорого, – испугалась Лида.

– Дешевле полуфабрикатов, – усмехнулась кассирша, – еще напиток бесплатно. Сама их зову, поверь, отличные пиццы привозят.

Лидочка глянула на бейджик «Эсфирь Гринберг», прикрепленный на блузке девушки, и сказала:

– Спасибо, Эсфирь.

– Не за что, – кивнула сотрудница супермаркета.

Лидочка прибежала домой и воспользовалась советом милой Фиры. Кассирша не обманула, не прошло и пятнадцати минут, как в квартире Лиды возник мужчина с картонной коробкой в руке.

– Пиццу заказывали? – глуховатым баритоном спросил он.

– Да.

– Куда поставить?

– На кухню.

– Я в ботинках.

– Ничего, идите.

Доставщик добрел до указанного помещения, откинул крышку и сказал:

– Посмотрите, все ли в порядке?

У Лидочки сильно закружилась голова, но не от аромата, который издавала очень вкусная лепешка с сыром, а от вида мужчины, который, не замечая произведенного на девушку впечатления, профессионально вежливо вопрошал:

– Напиток какой?

– Да, – невпопад сообщила Лида.

– Колу, пепси, фанту?

– Да.

– Вот чек.

– Да.

– Если можно, без сдачи.

– Да.

Повисло молчание, потом мужчина поторопил Лиду:

– Пожалуйста, расплатитесь.

– Да.

– Я жду!

Оцепеневшая Лидочка с огромным трудом пришла в себя... Здесь многие из вас, наверное, скептически улыбнулись: «Ну разве можно вот так, мгновенно, влюбиться в первого встречного?» Но Лида просто потеряла голову.

Глава 4

Вздрогнув, девушка вытащила кошелек, отсчитала бумажки и протянула их своему «принцу». Мужчина взял купюры и случайно коснулся пальцев Лиды, ту словно током дернуло, доставщик выронил деньги.

– Ты одна дома? – вдруг спросил он.

– Да, – почти теряя сознание, прошептала девушка.

– Твой заказ последний, – улыбнулся доставщик, – могу домой ехать.

Потом взглянул на Лиду и тихо-тихо спросил:

– Ты не прочь съесть ее вдвоем?

– Да, – еле слышно выдохнула старая дева.

Думаю, мне не следует вам рассказывать, чем завершился визит мужчины. Лишь утром, угощая кавалера завтраком, Лида догадалась спросить:

– А как вас зовут?

– Саша, – улыбнулся «принц», потом, отодвинув чашку, поинтересовался: – Ты чего мне «выкаешь»? Вроде не чужие теперь друг другу.

Лидочка упала на стул, ноги отказывались ей служить, а Саша спокойно продолжил:

– У меня сегодня выходной, давай проведем его вместе, в киношку сходим.

Лида кивнула и схватила телефон, первый раз за годы

безупречной, безостановочной работы она соврала начальству, прикинулась больной. Впрочем, хозяин ни на секунду не усомнился в правдивости слов самой ответственной его сотрудницы.

– Вылечись как следует, – заботливо посоветовал он, – не выходи с насморком, не дай бог осложнение получишь.

Саша тоже сумел договориться об отпуске, и парочка стала наслаждаться друг другом. У мужчины вроде водились де-нежки, он приглашал даму сердца в кафе, в кино, а потом они шли домой, и Лида, человек неверующий и нецерковный, молилась каждый день, обращая к господу такие слова:

– Отче наш, милый боженька, сделай так, чтобы Сашенька навсегда остался тут.

У Лидочки не было никакого опыта общения с лицами противоположного пола, до сих пор она наивно полагала, что от мужиков одна докука и неприятности, но сейчас ее позиция кардинально изменилась. Через десять дней Лида выпала:

– Давай поженимся.

Большинство парней, услышав такую фразу, предпочли бы исчезнуть в неизвестном направлении, но Саша улыбнулся:

– Давай, только есть некоторые сложности.

Лидочка похолодела.

– У тебя жена и дети!

Саша рассмеялся:

– Нет, до встречи с тобой был принципиальным холостя-

ком. Видишь ли, мне давно не тридцать, и думал, не найду уж свою судьбу, но встретил тебя – лучше поздно, чем никогда. Дело в другом, у меня нет московской прописки.

Тут до Лиды дошло, что она совсем ничего не знает о жёнихе.

– А ты откуда? – поинтересовалась девушка.

– Вообще-то с Кулева¹, – улыбнулся Саша.

– Кулево? Это что? Город такой?

– Улица имени Кулева, – пояснил Саша, – большая такая магистраль, на ней ещё книжный магазин стоит, неужели никогда там не бывала?

Лидочка кивнула.

– Прямо около метро расположен, ездила, конечно, туда за книжками, и не раз.

– Он на первом этаже жилого дома находится, – продолжил Саша, – я там и обретался, в доме, а не в магазине.

Лида потрясла головой.

– А говоришь, прописки нет!

Саша тяжело вздохнул.

– Хорошо, расскажу тебе правду, я о ней забыть хотел и никому не открывал, но обманывать любимую женщину не могу. Значит, так...

Чем дольше Лида слушала жениха, тем больше понимала: судьба сыграла с ней шутку, сдала те же карты, что и несчастной Светочке.

¹ Улицы имени Кулева в Москве нет.

Саша оказался уголовником, правда, осужден он был всего один раз, по статье за изнасилование.

– Никогда я женщин не принуждал с собой в постель ложиться, – каялся мужчина, – и уж тем более не угрожал им. Зачем? Сами прибегали!

Услыхав последнюю фразу, Лида испытала приступ ревности и перебила кавалера:

– Как же за изнасилование осудили?

Саша вздохнул:

– Статья такая кляузная. Все от женщины зависит: как скажет, так и получится. У нас в доме Лена Макеева жила, хорошенькая свиристелочка, молодой я был совсем, глупый, гормон в крови кипит, а Ленка глазки строила, причем не только мне, да попался один Сашка.

На чердак парочка отправилась по обоюдному согласию. Леночка оказалась не девочкой, а слишком опытной для своих лет особой, после нескольких свиданий она вдруг сообщила кавалеру:

– Я беременна, пошли в загс.

Но Саша абсолютно не собирался заводить семью, о чем не преминул сообщить своей «обоже».

– Какая женитьба? – удивился он.

– У меня будет ребенок, – повторила Лена.

– И что? Решила на меня крикуна повесить? – пожал плечами Саша. – Делай аборт, и ау. Впрочем, денег дам.

Конечно, говорить подобное женщине, с которой имел

некие, хоть и кратковременные, отношения, некрасиво, но Леночка обладала более чем подмоченной репутацией, на роль счастливого отца нерожденного малыша спокойно могло претендовать еще несколько человек, поэтому Александр ляпнул грубость и забыл о ней.

Через неделю его арестовали, ушлая Леночка отнесла в милицию заявление об изнасиловании. Саша лишь глазами хлопал, объясняя следователю:

– Вы что? С ней весь двор спал! Зачем к силе прибегать, сама народу дает, за так, из любви к искусству.

– Назовите фамилии, – мрачно потребовал мент.

Парень написал список, дальше начались сюрпризы, перечисленные лица наотрез отказались признать факт близости с Макеевой.

– Врет Сашка, – в один голос восклицали мужики, – не было такого!

Свидетелей походов Лены на чердак в обществе парней так и не нашлось, а вот то, как Макеева в слезах выбежала из подъезда в мятой юбке, видели бабки-сплетницы. Одна из старух проявила сочувствие:

– Что случилось, деточка?

– Меня Сашка Лактионов изнасиловал, – зарыдала Макеева.

На суде против Саши выступила куча народа, лишь одна Нина Ролина тихо сказала:

– Ошибка вышла. Ленка – шалава, только у нее отец –

зверь, коли узнает, что дочь без брака забеременела, до смерти избыет, вот они с матерью и придумали про изнасилование, чтобы оправдаться, хотели на Сашу беременность повесить, он крайним оказался!

Судья сурово глянула на Макееву:

– Это правда?

Лена зарыдала:

– Не верьте Нинке, она по Сашке давно сохнет, поэтому и защищает его, я была невинной девочкой до того, как он меня изнасиловал.

Лактионову дали срок, младенец так и не появился на свет: Лене сделали аборт, бесплатно, как жертве насилия. Саша отправился на зону. Что он там пережил, лучше не рассказывать, но в конце концов все, и даже несчастье, заканчивается. Парень вернулся домой, в квартире теперь жила только его сестра Катя, которая и отправилась в милицию с заявлением о прописке брата.

Правоохранительные органы не имели ничего против Лактионова, он честно отбыл наказание и мог считаться добропорядочным гражданином. Но в доме по-прежнему жила Лена Макеева, она ухитрилась выйти замуж, родить двух детей и изображала теперь из себя благообразную мать семейства. Меньше всего бывшей гулящей девице, а ныне примерной замужней даме хотелось видеть Сашу. И как назло, они сразу столкнулись в подъезде. Лена влетела в лифт, ткнула пальцем в кнопку, дверцы кабины закрылись, и лифт пополз

вверх. Женщина подняла голову и взвизгнула. В углу стоял Саша.

– Не ори, – пробурчал он.

– Не смей меня трогать!

– Больно надо.

– Не подходи.

– Да заткнись ты!

– А-а-а, стой на месте!

– Прекрати визжать! – рявкнул Саша, совершенно не собиравшийся мутузить ту, которая основательно поломала ему жизнь.

– О-о-о, гад! – бушевала Лена. – Вижу, ударить хочешь!

Саша не успел вымолвить слова, лифт остановился, открылись двери, Ленка вылетела вон, на площадку, где, как на грех, стояла ее мать.

– Что случилось? – заорала старуха.

– Он опять хотел меня изнасиловать! – заголосила Ленка.

Но Саша уже не был прежним наивным юнцом, он прошел зону и хорошо разбирался, что к чему.

– Не блажи! – рявкнул он. – Нужна ты мне, общественная дырка, давай пошли сразу в ментовку, пусть на анализы ведут, наверняка найдут следы десяти мужиков. Ну, чего не торопишься?

Через день Катю вызвал участковый и показал ей заявление, подписанное многими жильцами, – люди требовали, чтобы бывший зэк покинул дом.

– Понимаете, – осторожно сказал девушке милиционер, – вы имеете право прописать к себе брата, эти протесты никакой силы не имеют, есть, в конце концов, суд, который в данном случае встанет на сторону Лактионова. Но подумайте, какая жизнь ждет вас? Макеева не успокоится, рано или поздно доведет Лактионова, тот не стерпит, стукнет бабу, она зафиксирует синяки, и дальше? Опять зона за хулиганку?

– Что же нам делать? – прошептала Катя.

– Меняйте жилплощадь или снимите Александру комнату, – посоветовал участковый.

Катя закивала и пошла домой. Очевидно, она была очень расстроена, поэтому и не заметила, что переходит улицу на красный свет, не услышала шума вылетевшей машины, была сбита и к вечеру скончалась в больнице.

Чтобы ненароком не убить Ленку, оказавшуюся причиной всех его несчастий, Саша после похорон Кати снял комнату, а квартиру, вступив в права наследства, решил продать, обратился в риелторскую контору, где ему быстро отыскали покупателей. Был оформлен договор, деньги заложили в ячейку. Когда утрясли все формальности, новые хозяева начали ремонт, а Саша деньги брать не стал, велел тем же риелторам найти ему однушку, расположенную подальше от родных пенатов. Милая девушка, занимавшаяся подбором вариантов, улыбнулась и велела приходить через две недели. Когда Саша снова приехал в контору, на двери висел огром-

ный замок, фирма прекратила свое существование, ее хозяева скрылись, прихватив деньги клиентов. Лактионов стал одной из жертв мошенников. Вот так он лишился всего: квартиры, денег – и сейчас обитает в коммуналке, больше похожей на вьетнамское общежитие, – пять комнат из шести занимают невысокие, узкоглазые торговцы дешевым барахлом. Слава богу, что Сашу взяли на работу доставщиком пиццы, иначе мужчине пришлось бы совсем туго: при виде бывшего зэка без прописки сотрудники отдела кадров не приходят в восторг.

– Вот видишь, – грустно закончил свой рассказ Лактионов, – плохой я жених: ни средств, ни жилплощади, ни хорошей специальности не имею. Я люблю тебя и больше всего на свете хочу, чтобы ты пошла со мной в загс, но умом понимаю: нам лучше расстаться, ты найдешь себе лучший вариант!

Когда Лида добралась до этого места своего рассказа, она вытащила из кармана куртки носовой платок и прижала к глазам.

– И ты согласилась стать его женой! – воскликнула я.

Женщина закивала:

– Да, да.

– Не побоялась?

– Чего?

Я прикусила губу. Не так давно Зайка принесла с работы

анекдот. Одна женщина, желающая выйти замуж, попросила свою подружку:

– Сходи в гости к мужчине, который недавно поселился в соседней квартире, узнай потихоньку, женат ли он.

Подружка охотно бросилась на помощь, позвонила в дверь, увидела на пороге здорового амбала в наколках, под благовидным предлогом просочилась к нему на кухню и принялась расспрашивать парня. Тот откровенно рассказал о себе:

– Первую жену я из ревности удушил, вторую зарезал, третью утопил, четвертую выбросил из окна, пятую застрелил, шестую машиной задавил, сейчас штампа в паспорте не имею.

Женщина вернулась к подруге и радостно воскликнула:

– Полный порядок, можешь начинать роман, сосед совершенно свободен.

Было бы смешно, кабы не было правдой. Сколько таких дурочек, как Лида, говорят себе:

– Ничего, что судимый. Это он по молодости, по глупости за решетку попал. – Или: – Экая ерунда, бил первую супругу ногами, она сама виновата, со мной подобного не случится, я иная, перевоспитаю парня, окружу его заботой и нежностью.

Ох, милые мои, конечно, случаются в жизни неожиданно, но коли ваш ненаглядный поднимал руку на женщину, то, скорей всего, начнете получать от него колотушки уже во время медового месяца. Не стоит связывать свою судьбу с

алкоголиком, наркоманом, уголовником, маловероятно, что вам удастся отлучить свое сокровище от бутылки или шприца. Помните, вокруг пока еще немало вполне нормальных мужчин, и не следует бросаться на шею первому попавшему представителю противоположного пола.

Ну, скажите, вы купите в магазине тухлую колбасу? Положите ее в холодильник и станете ждать, когда кусок гнилого мяса трансформируется в свежайшую телятину? Нет? А почему? Дурацкий вопрос, что испорчено, то пропало. Тогда по какой причине связываете свою жизнь с гадким мужичонкой, да еще рожаете от него детей? Если вы мазохистка, то флаг вам в руки, а коли мечтаете о счастье, то трезво оценивайте претендента на руку и сердце. И не надо талдычить о любви. Вы ведь обожаете мороженое? А как насчет того, чтобы съесть его голой, в сорокаградусный мороз, сидя в сугробе? Любовь любовью, но и про ум не надо забывать. Меня очень удивляют дамы, которые сначала бегут под венец с алкоголиком, потом производят на свет больных младенцев, а затем начинают поминутно жаловаться на жизнь, стеная о горькой женской доле. Милые, никто не виноват, видели глазки, что покупали, теперь ешьте, хоть повылазьте. Нет бы поискать себе хорошего парня. Только вот беда, тянет нас с вами, как бы помягче выразиться, на блюдо «с душком», нормальный мужчина кажется скучным, душа просит бури и натиска.

Вот и Лида оказалась из той же распространенной поро-

ды глупышек, ее не напугало, что Саша имел за плечами солидный срок за изнасилование, девушка не стала проверять слова кавалера, она безоговорочно поверила Лактионову, не вспомнила и о злосчастной судьбе своей матери Светланы.

– Мы поженимся, – твердо ответила она, – переедешь жить сюда. Места, правда, маловато, но ничего, в тесноте – не в обиде.

– А твоя тетка что скажет? – поинтересовался рациональный Саша. – Знаешь, зять – бывший зэк не всем по вкусу.

Лида призадумалась. Клава, конечно, будет против. Она моментально закричит: «Только через мой труп пойдешь в загс с уголовником, хватит с нас горя, ну-ка, вспомни Петра!»

Конечно, Лида могла топнуть ногой и заявить: «Квартира моя, кого хочу, того и прописываю».

Но женщина любила тетку и не желала доставлять ей неприятных минут, а еще Лида понимала: даже если Клава и попытается изобразить на лице приветливость, она никогда не сможет хорошо относиться к Саше, всегда будет помнить о своем брате-убийце, который отбывает срок. Рано или поздно в семье начнутся скандалы, и Лиде придется делать сложный выбор: либо любимая тетя, либо обожаемый муж.

Женщина честно рассказала Саше о своих раздумьях.

– Прямо и не знаю, как поступить, – вздыхала она.

Лактионов почесал в затылке, потом вдруг сказал:

– Есть у меня один знакомый, надо с ним посоветоваться.

Спустя пару дней любимый показал Лиде паспорт. Невеста открыла бордовую книжечку и удивленно вскинула брови. С маленькой фотографии смотрел Саша, только теперь его почему-то звали Александр Михайлович Дегтярев.

– Не понимаю, – ошарашенно воскликнула Лида.

Саша обнял женщину.

– Мне друг помог, этот Дегтярев знать ничего не знает, он реальный человек, военный, неженатый, несудимый, прописку имеет. Покажем Клавде документ, она и успокоится.

– Ой, – испугалась Лида, – нас не поймают?

– Кто? – улыбнулся Саша.

– Ну... не знаю... всякие органы!

Лактионов крепче прижал к себе будущую жену.

– Не надо бояться. За границу мы с тобой навряд ли поедем, денег-то особых нет, а те, которые заработаем, лучше на квартиру и машину потратить. На престижную работу, где кандидата под лупой просматривают, мне не устроиться, образования не имею. А для Клавды такого паспорта вполне достаточно, глянет и обрадуется. В загсе же никто особо людей не шерстит, им важно, чтобы в паспорте соответствующие странички чистыми были.

– И ты ему поверила? – воскликнула я.

Лида кивнула, на ее глаза начали вновь наворачиваться слезы.

– Не спросила, кто ему сделал фальшивый паспорт? –

негодовала я.

– Нет.

– Не уточнила, отчего на имя Дегтярева?

– Ну... Саша сказал, что очень удобно, того зовут Александр Михайлович, и моего мужа так же, я не ошибусь, если имя произносить стану. А если документ, допустим, на Юру...

– Можешь дальше не объяснять, – взвилась я, – понятно и так. И вас расписали?

– Ага.

Я стукнула кулаком по рулю, ну и ну. Злость моя никоим образом не относилась к тщедушной дурочке Лиде, но женщина поняла мой жест по-своему. Она прижала ладони к щекам и прошептала:

– Ой, пожалуйста, умоляю, дослушайте. Ведь не думала, что такой ужас получится.

Глава 5

Клава искренно обрадовалась за Лиду, она, конечно, порасспрашивала ее, задала естественные вопросы о женихе.

Но Лидочка, никогда до этого момента не лгавшая тетке, повела себя как настоящая врунья.

– Он бывший военный, – лихо излагала она придуманную вместе с Сашей историю, – служил по разным гарнизонам, мотался по стране, семью не создал. Потом его по состоянию здоровья комиссовали, и остался мужчина голым. Ничего ему Родина за хорошую службу не дала: ни пенсии, ни жилплощади. Вот Саша и подался в Москву, нашел деревенских жителей, которые его за деньги у себя прописали, но жить в селе невозможно, Саша сейчас снимает комнату.

Вам кажется странным, что Клава поверила Лиде? А мне – нет. Кабы племянница сообщила тетке, что служаке дали двухэтажный каменный дом, открыли счет в банке и подарили машину, вот сия информация звучала бы фантастично. А так, вполне, увы, распространенная ситуация – о том, как отвратительно поступает государство с бывшими офицерами, часто пишут в газетах.

Свадьба была скромной, Саша перебрался к Лиде, но прописываться у нее не стал. На предложение Клавы: «Давай паспорт, отнесу в милицию», – мужчина ответил:

– Не надо, вот заработаю денег на расширение жилья, то-

гда все вместе на новой площади и пропишемся, а пока побуду деревенским жителем.

Лидочка, терзая в руках носовой платок, завершила рассказ.

Саша уволился из пиццерии и начал вместе с Клавой заниматься ремонтом. Строитель он был не слишком умелый, и тетке приходилось растолковывать зятю азы мастерства. Саша старательно учился, но, самое главное, у него оказался настоящий талант по части поиска клиентов. Каким-то образом лже-Дегтярев ухитрился находить более чем обеспеченных людей, желавших «освежить» апартаменты, и Клава нарадоваться не могла на Сашу: не пьет, не курит, не ругается матом, любит Лидочку, каждую копейку в дом тащит – не мужик, а золото.

Но пару недель тому назад счастье рухнуло в тартарары. Сначала, правда, приключилась большая удача. Саша договорился о ремонте с парнем, который приобрел огромную квартиру на Остоженке, бывшую коммуналку из десяти комнат. Такой большой заказ ему достался впервые, и Клава решила нанять еще помощников, надумала сама стать прорабом. Воображение развернуло перед теткой восхитительную картину: еще несколько таких удач, и она открывает контору, Саша ищет заказчиков, Лида ведет бухгалтерию, а сама Клава руководит гастарбайтерами – семейный бизнес!

Но мечтам не суждено было сбыться. Едва туркмены, на-

нятые Клавдией, приступили к разборке стен, как Саша пропал.

Поначалу он не пришел ночевать. Лидочка до утра пила валерьянку и лила слезы. Около девяти уже собралась бежать в милицию, но тут ожил телефон.

– Слушаю, – закричала женщина.

– Лида, – послышался хорошо знакомый голос, – я тебя не разбудил?

– С ума сошел? – завопила всегда спокойная девушка. – Какой сон? Глаз не сомкнула от беспокойства! Ты где?!

– Лидия, – торжественно сообщил муж, – нам больше нельзя жить вместе. Извини, полюбил другую женщину, ушел к ней. Я честный человек, поэтому не буду лгать. Прости, наша любовь закончилась. Кстати, развод можно не оформлять.

– Почему? – еле выдохнула из себя ничего не понимающая Лида.

– Так ты же расписана с Дегтяревым, – заявил муж, – паспорт на имя Лактионова – чистый!

Лида потеряла дар речи.

– Прощай, – заявил супруг.

– Погоди, – обмерла жена, – давай поговорим.

– Не о чем.

– Но как же так?

– Очень просто, – отрезал Саша, – ты меня стыдилась, считала бывшим уголовником, боялась правду Клаве расска-

зять. Я изо всех сил старался, но твоей любви так и не добился, зря лишь силы тратил. А она меня всяким принимает, ей на мое уголовное прошлое плевать, поэтому не поминай лихом.

– Милый...

– До свиданья.

– Как ее зовут?

– Зачем тебе?

– Ну... просто так.

– Ненужное любопытство. У нас с тобой ничего общего больше нет, очень разумно, что вы меня к себе не прописали, хотя никогда бы не стал претендовать на чужую жилплощадь, – вдруг сообщил Саша.

– Ты же сам не пожелал менять адрес! – взывала Лида.

– Да, потому что видел, за подлеца меня держите. Впрочем, понял вас и очень старался заслужить расположение. Ну и что? Услышал разве новое предложение о прописке? Тот и оно!

– Но...

– Говорить не о чем, – отчеканил Саша, – у нас нет ничего общего.

– Давай привезу тебе вещи, – цеплялась Лида за последнюю возможность увидеть мужа.

– Я их забрал, – прозвучало в ответ, потом понеслись гудки.

Лида бросилась в комнату, где стоял платяной шкаф, рас-

пахнула дверки и горько зарыдала. В гардеробе еще в понедельник не хватало места, особых модников в семье не было, но все же в однокомнатной квартирке проживали две женщины и один мужчина. А сейчас среди вещей зияли пустоты. Саша и впрямь унес костюм, брюки и рубашки, прихватил он и вместительную спортивную сумку, ярко-красную, с надписью «Спорт», начертанной большими ярко-желтыми буквами.

Вернувшаяся с работы Клавдия нашла племянницу в слезах. Узнав, что произошло, она сначала села на диван и пару минут провела в молчании, а потом заорала:

– Сукин сын! Ну, мало ему не покажется! Где его паспорт?

– Нету, – пролепетала Лида, – с собой унес.

И это было чистой правдой, фальшивый документ на имя Александра Михайловича Дегтярева исчез из тумбочки.

– Ничего, – наливалась злобой Клавдия, – ишь, хитрец, решил к другой бабе свалить. Ну, я ему малину подпорчу! В два счета найду мерзавца! Все его данные имею!

Лида похолодела. Она никак не могла открыть тетке тайну, честно признаться: паспорт фальшивый, куплен лишь для отвода глаз Клавы. Ничего хорошего из затеи не вышло, сейчас получается, что Лида замужем за неким Дегтяревым, которого никогда не видела, а Саша Лактионов не имеет к ней никакого отношения. Но как сказать об этом Клавдии? Оставалось одно: просить тетку не предпринимать никаких шагов, убедить ее забыть мужчину.

Лида рухнула на диван, у нее внезапно заболело все: руки, ноги, голова, шея, из желудка поднялась вязкая тошнота, в висках застучало.

– Тетечка, – еле-еле придя в себя, взмолилась раздавленная переживаниями Лида, – умоляю, не вмешивайся.

– Это почему?

– Ушел, и бог с ним.

– Еще чего? Мы его поили, кормили, одевали, и другой отдать?

– Насильно мил не будешь!

– Дура ты, – рывкнула Клавдия, – подлецов учить надо!

Потом некоторое время в доме стояла тишина. Клава и Лида ходили на работу, а вечером смотрели телевизор, стараясь вести разговоры на нейтральные темы.

Но сегодня, когда Лида явилась со службы, Клава, вернувшаяся раньше племянницы, огорошила ту заявлением:

– Набрехал нам Сашка с три короба.

Лида уцепилась за вешалку.

– Ты его нашла?

– Да, – торжествующе ответила Клава, – попросила кое-кого, мне координаты раздобыли. Номера телефонов, и домашний, и мобильный. Я-то, дура, не записала сотовый и забыла, но теперь снова имею.

Лида навалилась на стену: час от часу не легче!

– Ты говорила с Сашей? – прошептала она. – И чего разузнала?

Клава покраснела:

– Мерзавец! А я – дура. Когда в первый раз его вызвонила, вежливо разговор начала, дескать, здрасте, Саша, это Клава. А мне в ответ: «Кто?»»

Клавдия обозлилась и завизжала:

– Ща объясню!

Мужчина спокойно слушал тетку, а та орала:

– И не бреши, Дегтярев! В Ложкине живешь!

– Успокойтесь, – велел наконец собеседник, – я разберусь и свяжусь с вами.

Клавдия отчего-то поверила дядьке и стала ждать звонка, но так и не дождалась, и вот сегодня позвонила по мобильному, но трубку никто не брал, тогда Клава набрала домашний номер и поговорила с какой-то теткой. После разговора она поняла: Саша ее обдурил! В первый раз он сам, слегка изменив голос, говорил с ней, но прикинулся другим человеком.

– Он там живет, – орала Клава, – и сейчас преспокойно отправился ловить рыбу! Ясно? Тебя обвели вокруг пальца! Хотя это неудивительно! Но я-то! Стреляный воробей. Ведь чуяла – беды не оберешься, слишком он хороший! Ну, пакостник! Ладно, ладно, мало ему не покажется!

Продолжая бушевать, Клава отправилась в ванную стирать, а Лида, плохо понимая, как себя вести, осталась сидеть на кухне.

В голову ей не лезла ни одна хорошая мысль, Лида искрен-

но любила Сашу, настолько верно и сильно, что готова была отдать его другой. Если муж встретил эту женщину, то в чем же его вина? Лиде следовало проявлять к супругу больше внимания, почаще говорить о своих чувствах. За примером далеко ходить не надо: на Масленицу Саша очень просил блинов, но Лида, замороженная работой, так и не нашла времени поставить тесто. Правда, потом спохватилась и купила готовые блинчики в магазине, но, согласитесь, это ведь совсем не то. Саша, правда, обижаться не стал, съел, что дают, но потом вдруг вздохнул и с чувством произнес:

– Вкусно, конечно, но свои-то лучше, просто объединение, когда прямо со сковородки.

Нет бы Лиде насторожиться и спросить:

– Милый, а когда ты ел блины с пылу с жару? Мы с тетей их никогда не делаем!

Но бухгалтерша, озабоченная поиском невесты куда пропавших пятидесяти копеек в отчетных документах, не обратила внимания на знаковую оговорку мужа и углубилась в работу. Полтинник-то она нашла, а супруга потеряла. Тайнственная соперница оказалась умней жены, она не приобретала еду в кулинарии, а готовила для любимого сама.

И кого винить в подобной ситуации? Только себя. Недаром говорят: рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше.

Не успела Лида окончательно погрузиться в горькие мысли, как появилась Даша Васильева и попыталась устроить скандал.

– Я испугалась до одури, – призналась Лида, – решила, сейчас правду выкладывать начнете, хотя и не поняла, кто в гости заявился, но почувствовала: ничего хорошего ожидать не приходится. Значит, Клава вам позвонила?

– Да, – кивнула я, – именно так, в дом, расположенный в поселке Ложкино. Уж не знаю, кто помог Клавдии номера разыскать, но сведения стопроцентно верные. Есть и дом, и Александр Михайлович Дегтярев, который в нем живет. Между прочим, он полковник милиции.

– Мама моя!

– Всю жизнь в органах служит.

– Ужас!

– Сейчас Дегтярев отбыл в отпуск, он большой любитель рыбалки, отправился за тридевять земель, к приятелю, на подледный лов, только поэтому не узнал о Лактионове и его проделке!

– Что же мне делать? – зашептала Лида.

– Скажи Клаве правду.

– Ой, не могу!

– Почему?

– Боюсь.

– Глупости, лучше признаться и один раз вытерпеть скандал, чем всю жизнь вздрагивать.

– Нет.

– Ну, не смешно ли вести себя, как первоклассница, решившая спрятать от мамы дневник с замечаниями, – приня-

лась я уговаривать Лиду, – ты поступила глупо, попалась на удочку не слишком честного человека...

– Нет, Саша замечательный.

– Ладно, тебе видней, но лучше откровенно поговорить с Клавой.

– Не могу!

– Хочешь, сделаю это за тебя? Объясню тетке ситуацию, попрошу, чтобы она никогда больше не обсуждала произошедшее.

– Ну и зачем вам мне помогать?

– На самом деле хочу избежать собственных неприятностей, – улыбнулась я, – Клавдия, похоже, дама решительная, одним телефонным разговором не ограничится, начнет каждый день нас беспокоить, приезжать.

– Ой, только не говорите ей правду!

– Да почему? – потихонечку закипала я. – Ну соврала тетке, имей мужество признаться, не убьет же тебя Клава.

Лида понурила голову, а потом вдруг прошептала:

– Вы замужем?

– Нет.

– А были?

– Да, четыре раза.

– Детки есть?

– Двое, – кивнула я, – Аркадий и Маша, еще невестка Ольга и внуки.

Наверное, следовало уточнить, что и Кешу, и Манюню я

не рожала, дети достались мне в силу разных обстоятельств уже готовыми, но я никогда не считала их приемными, и мне теперь даже кажется, что я их сама выносила². И потом, не начинать же тут заунывный рассказ о собственной судьбиншке?

– А у меня ребяток нет, – захлюпала носом Лида, – вдруг Саша вернуться надумает, и как нам тогда снова жизнь начинать, если Клава правду узнает?

– Ты готова опять соединиться с ним? – изумилась я. – После всего?

– Да, – прошептала Лида, – конечно.

Я уставилась на молодую женщину. Наверное, господь лишил меня способности любить, потому что никогда бы не пустила назад такого Сашу. Нет, я общаюсь с бывшим мужем Максом Полянским, даже дружу с ним, но именно дружу. Однажды мне представилась возможность опять стать его супругой, но я в ужасе отказалась от подобного поворота в моей судьбе.³

– Не лишайте счастья, – взмолилась Лида, – не говорите ничего Клаве, ну наврите что-нибудь, пожалуйста! Допустим, просто прописали к себе Дегтярева за деньги, а когда Клавдия звякнула и Александра Михайловича потребовала, испугались, ну и стали врать про рыбалку. На самом деле та-

² См. романы Д. Донцовой, «Крутые наследнички», «За всеми зайцами», «Дама с коготками», «Дантисты тоже плачут» и др., издательство «Эксмо».

³ См. роман Д. Донцовой, «Жена моего мужа», издательство «Эксмо».

кого мужчины у вас нет и не было. Клава не хулиганка, выслушает и уедет! И, пожалуйста, самому Дегтяреву, ну, тому, настоящему, ни словечка не оброните, а то он арестует Сашу, его посадят... Ой, мамочки!!!

– Надо найти твоего Сашу, – решительно заявила я.

– Зачем?

– Необходимо поговорить с ним!

– Ой! Нет.

– Да, – рывкнула я, – прямо сегодня, хотя нет, уже поздно, завтра займусь этой проблемой!

– Ради бога! Не делайте этого! – заплакала Лида. – Мне стыдно! Если захочет, сам вернется.

– Не в тебе дело.

– А в ком?

– Ты же не хочешь, чтобы подлинный полковник оказался в курсе дела? Следовательно, надо предупредить твоего Ромео, чтобы он больше никогда не пользоваться паспортом на имя Дегтярева, – попыталась я разъяснить ситуацию Лиде. – Ты хоть понимаешь, что по документам являешься женой человека, который никогда не видел свою вторую половину?

– Ой, нет!

– Ой, да! Брак регистрировали официально?

– Ага.

– В загсе?

– Угу.

– Паспорт он чей давал?

– Ой! Ой! Ой!

– Прекрати! Найду Лактионова и побеседую с ним.

– Где же вы его отыщете? – пролепетала Лида.

– Ну, это просто, – отмахнулась я, – даже элементарно.

– Ой!

– Что еще?

– Вы Клавье ничего не скажете?

– Нет.

– Спасибо, спасибо, спасибо, – словно заезженная пластинка, талдычила Лида. – Знаете, думаю, та баба скоро ему надоест, и он ко мне вернется. Вы только скандал не начинайте! Может, не будете его искать, а? Дорогая, любимая, милая...

Из глаз Лиды потоком хлынули слезы, женщина уткнула лицо в узенькие ладошки, больше похожие на лапки больной мармозетки⁴, чем на руки нормального человека, худенькие плечи, обтянутые жуткой курткой, задержались так, словно моя собеседница оказалась под током. Я вздохнула, отчего-то опустила глаза вниз и увидела два неуклюжих ботинка на толстой подошве, совершенно неэлегантную обувь, практичные баретки женщины, давно махнувшей рукой на свой внешний вид. Покупая подобные чапки, тетки, как правило, произносят: «Лишь бы удобно было, вот еще, на каблуках ходить, запросто ноги сломаешь!»

⁴ *Мармозетка* – маленькая обезьянка.

Внезапно на меня нахлынуло раздражение: живут же на свете подобные дуры! Ее отшвырнули прочь, словно смятый пакет, использовали и выбросили! Небось этому милому уголовничку просто негде было жить. Не насиловал он девушку, зря оказался за решеткой! Вы когда-нибудь встречали криминальную личность, которая честно скажет: «Нарушил закон, вот по ушам и надавали»?..

Мне подобные экземпляры не попадались, если поговорить с осужденными, то все они белые голуби, похоже, черных ворон за решеткой не сыскать, сплошь невинные жертвы, пострадавшие от произвола милиции и коррумпированности судебной системы. Бывают без вины виноватые, по шесть-семь раз отбывавшие наказание.

Лида зарыдала в голос.

– Умоляю, – просила она, всхлипывая, – очень прошу, помогите... Клава... молчите... он вернется...

Я сама чуть не заплакала от жалости к дурочке, потом меня охватила злоба на мерзавца Лактионова, посмеявшегося обидеть наивного ребенка. Да-да, несмотря на подступающее тридцатилетие, у Лиды менталитет детсадовца, верящего всему, что говорят старшие.

Я обняла бедолагу и погладила по голове.

– Хорошо, успокойся.

– Вы сделаете, как я прошу?

– Да.

– Не скажете Клаве про фиктивную прописку?

– Ладно.

– И не станете искать Сашу?

Я отстранилась.

– А вот этого обещать не могу. Он мерзавец. Извини, конечно, я понимаю, тебе это слышать неприятно, но факт остается фактом: Саша незаконно использует чужое имя. Я отыщу Лактионова и отберу у него паспорт. Очень хорошо, что Александр Михайлович уехал, Дегтярев в последнее время совсем издергался, лишние переживания ему не нужны, мой долг помочь другу.

– Наверное, вы правы, – безнадежно ответила Лида, – но только, когда отыщете его, не говорите ничего про меня, умоляю.

– Хорошо, – кивнула я, – можешь не волноваться, придумаю что-нибудь. В конце концов, совсем не обязательно сообщать, от кого я узнала про Дегтярева-два.

Глава 6

Домой я явилась поздно, преисполненная мрачной решимости. Надо не только отыскать этого пакостника Лактионова, но и выбить из него сведения о том, где он раздобыл паспорт на имя полковника.

В свое время Александр Михайлович рассказывал мне, что купить в Москве удостоверение личности довольно легко. Причем оно необязательно будет фальшивым, документ может оказаться подлинным. Не так давно в столице арестовали сотрудницу одного из загсов, занимавшуюся темными делишками.

В служебные обязанности упомянутой мадам входила выдача свидетельств о смерти. Ей полагалось, получив паспорт покойного, сделать соответствующие записи в книгах, отправить документ на утилизацию и вручить родственникам бумагу, подтверждающую факт кончины. Оборотистая дамочка совершала процедуру правильно, за одним маленьким исключением: некоторые паспорта она в печь не бросала. Увы, люди умирают не только в престарелом возрасте, к сожалению, на тот свет уходят и молодые, и дети. Чиновница работала под заказ, ей платили деньги и требовали:

– Нам нужен документ для девушки двадцати лет, славянки.

Мерзкая особа кивала и отвечала:

– Надеюсь, в течение пары недель сумею принести.

Поэтому наличие у Лактионова документа на иную фамилию меня не смутило, удивило иное: ну, с какой стати паспорт был выписан на Дегтярева?

Просто руки чешутся отправиться в контору «Сладкая пицца»⁵ и побеседовать с начальником отдела кадров.

– Муся, – заговорщицки зашептала выбежавшая в холл Маня, – пожалуйста, помоги!

– Что случилось? – отвлеклась я от своих мыслей.

Машка сунула мне в руки трубку.

– Вот, позвони по этому номеру и попроси дежурного ветеринара.

– Господи, кто-то из стаи заболел? – испугалась я. – Не можешь понять, что за напасть приключилась с животным?

Маня захихикала.

– Нет, в клинике дежурит Денис.

– И что?

– Хочу его разыграть! Он первый раз один остался, без старших. Вот держи, приложи эту штуку к трубке, и он тебя ни за что не вычислит.

– Но почему я должна звонить? И что это такое?

– Изменитель голоса.

– Изменитель голоса? – удивленно повторила я.

Маня захихикала.

⁵ Фирма «Сладкая пицца» выдумана автором, любые совпадения случайны.

– Ага, в магазине приколов продается, говоришь через эту штуку – и тембр меняется, у каждого по-своему, у одного бас получается, у другого дискант!

– Но с таким прибаббасом зачем мне-то звонить, сама действуй!

– Ну, муся, – заныла Маня, – Денька мой голос отлично знает, с тобой он реже разговаривает, ну, плиз! А вдруг тембр не изменится, и Денис узнает меня?

– Ладно, – согласилась я, – но что спрашивать?

Машка положила на комод листок.

– Во, все написала, иди по порядку. Я очень хорошо знаю, что станет говорить Денька, и вопросыки в правильной последовательности расположены. Ну, давай, пожалуйста! Сейчас, только громкую связь включу, охота самой послушать. Отлично! Набираю номерок.

Я взяла трубку и услышала чрезвычайно серьезный голос:

– Ветклиника. Дежурный врач Глод Денис Юрьевич, слушаю вас.

Маша услужливо подсунула мне листок, и я прочитала первую фразу.

– Здравствуйте, у меня, похоже, заболела морская свинка, – сказала я, давась от смеха, мой голос превратился в меццо, если не в бас.

– Что с ней? Уточните, пожалуйста.

– Лежит на дне аквариума и не шевелится.

– Давно?

– Часа три.

– М-м-м. Попробуйте осторожно взять ее на руки.

– Может, вода слишком холодная, всего двадцать градусов.

– Вода?

– Ну да!

– Где?

– Так в аквариуме.

– Вы держите свинку в воде?!

– Но она же морская, – еле сдерживая смех, сообщила я, – из названия ясно, что она обитает в море. Вот я и решила создать ей естественную среду. Сначала она так бойко бултыхалась, а потом на дно слегла.

– Послушайте, – забубнил Дениска, который не имел никакого права высказать глупой тетке все, что про нее думает, – морская свинка не относится к семейству водоплавающих.

– Так морская же! – прикинулась я полной идиоткой, глядя, как Маня кусает кулак, чтобы не захохотать во весь голос. – Отчего ее так называли?

– Оттого, – безнадежным тоном ответил Дениска, – что в давние времена животных привозили в Россию из-за границы, тогда говорили: «свинка из-за моря». Ну, а потом просто: морская свинка. Понятно?

– Ну да! Так что с ней делать?

– Думаю, – запнулся Дениска, – если три часа на дне про-

лежала... э... простите, конечно, но ее следует похоронить.

– Совсем?

– Ну... да! И впредь, заводя животное, сначала купите необходимую литературу о нем или сходите на консультацию к ветеринару.

– И где упокоить?

Денис тяжело вздохнул.

– Это уж сами решайте.

– Вы не можете оказать подобную услугу?

– Увы, нет.

– Почему?

– В Москве нет кладбищ для животных.

– Но я хочу могилу, памятник, оркестр...

Маша вцепилась пальцами в комод и затряслась, меня тоже душил хохот, а Дениска, связанный по рукам и ногам официальным статусом, пытался вежливо отвечать позволившей ему кретинке.

– Отвезите несчастную на свой дачный участок! – посоветовал он.

– У нас его нет.

– Заройте у дома, в сквере.

– Я живу в доме, который стоит прямо на Садовом кольце!

Откуда на магистрали газоны?!

Денис засопел.

– Можно привезу ее вам? – предложила я.

– Лучше на улицу Юннатов, – быстро сообщил Деня, – да,

да, именно к ним.

– Хорошо, еще один вопрос!

– Какой? – напряженным голосом осведомился Дениска, которому, очевидно, очень хотелось послать прилипчивую идиотку куда подальше.

– Чем кормить тараканов?

– Мадагаскарских?

– Нет, обычных, домовых, рыженьких таких.

– Но зачем их подкармливать? – терял терпение Деня.

– Понимаете, их у меня слишком много.

– Не вижу логики, – рявкнул Дениска, – если насекомых полно, купите для них ловушку в хозяйварах!

– И они наедятся?

– Ага, пожрут отраву и подохнут! – выйдя из себя, рявкнул Деня.

– Вы жестокий человек, недостойный благородного звания ветеринара, – закашлялась я, – тараканов уморить, свинку похоронить. Кстати, она, вопреки вашим словам, ожила, всплыла...

– Всплыла? Пузом вверх?

– Нет, мордочкой вниз, рассекает воду, кролем, туда – сюда, туда – сюда.

– Врете! – выпалил Деня, забыв о статусе дипломированного дежурного терапевта крупной клиники.

– Чтоб мне треснуть! Очень бойко рулит, лапами гребет.

– Лапами? У вашей морской свинки ласты?

– Ну да, а их не должно быть?

– Это точно свинка? Опишите ее.

– Ну такая небольшая, покрупнее мыши, бело-рыжая, мохнатая.

– Ангорская?

– Верно. Мордочка с усами, глазки-бусинки, лапы с ластами.

– Умереть – не встать! Слушайте, как вас зовут?

– Э... э... Аня!

– Анечка, – заныл Дениска, – мне очень хочется посмотреть на вашу любимицу. Давайте приеду после дежурства?

– Ну... уж и не знаю, – замямлила я. Подготовленный Машкой текст закончился, приходилось импровизировать на ходу.

– Можно ваш телефончик? – наседал Деня, в котором разыгралось профессиональное любопытство.

– Лучше ваш е-мейл, – нашлась я, – пришлю фотку.

– Пишите, – заволновался Деня, – не забудете?

– Нет.

– Все же дайте свой телефон или «мыло»!

Я растерянно глянула на Маню, та быстро зачирикала ручкой по бумаге.

– Так и быть, – воскликнула я, – диктую электронный адрес!

– Йес! – завопила Маня, когда Дениска отсоединился. – Выиграла.

– Что и у кого? – улыбнулась я, стаскивая сапоги.

– Мы с Хейфец поспорили, – прыгала Машка, – и с Ксюшей тоже. Сашка говорила, что Деня на второй минуте сломается, Ксюша уверяла – пять продержится, а я ставила на семь. Но то, что он клюнет на морскую свинку с лапами, никто не предполагал. Вау, мы его классно разыграли.

– Чей ты ему адрес подсунула? – поинтересовалась я, разыскивая свои домашние тапочки.

– Такого ящика нет, – хихикнула Маня, – но сейчас открою его!

Выпалив последнюю фразу, Манюня унеслась в глубь дома, а я начала усиленно рыться в шкафу, пытаюсь обнаружить свои тапки, но симпатичные розовые велюровые шлепки, купленные всего несколько дней тому назад, исчезли.

Я тяжело вздохнула, вошла в старые, потерявшие всякий вид чужаки и пошла в столовую; интересно, кто из домашних присвоил себе мою обновку?

Руки толкнули дубовую дверь, перед глазами открылась комната, уютно освещенная торшерами. За длинным столом сидели Зайка, Кеша и неизвестная мне пара: мужчина не первой свежести и женщина без возраста – так безупречно выглядевшей даме можно было дать и тридцать, и сорок лет.

Думая, что дети привели к ужину незнакомых мне приятелей, я заулыбалась.

– Добрый вечер!

– А вот и наша Даша, – подскочила Ольга. – Садись ско-

рей, чай, кофе? Ирка, принеси мясо, Дашута явно проголодалась!

Выражение полнейшего счастья, осветившее лицо Заюшки при моем появлении, очень удивило меня, и я стала улыбаться еще шире. Ох, что-то не так!

– Разреши тебе представить наших дорогих гостей, – суетилась и щебетала Зайка. – Мадлен Кудо, надеюсь, слышала это имя?

– Ну как же, – старательно закивала я, – сто раз!

Дама без возраста оскалилась, изобразив улыбку, при этом обнажились идеально сделанные зубы. Во мне нарастало раздражение: тонкими, изящными пальчиками с художественно сделанным маникюром Мадлен сжимала мою любимую чашку – фарфоровый бокал, украшенный фотографией Хучика. Так, теперь, похоже, понятно, кому достались новые тапки Дашутки!

Чтобы проверить правильность догадки, я локтем смахнула со стола салфетку, нагнулась и оглядела пейзаж под столом. Так и есть, ножки гости обуты в удобные, велюровые, розовые пантуфли.

Я выпрямилась и с возмущением глянула на Зайку – тапочки куплю новые, этих не жаль, не успела к ним привыкнуть, но кружка! Ведь это – святое! Ну зачем ее дали гостье?

– Рада знакомству, – прочирикала Мадлен, – разрешите, сама представлю сына – Вадик.

Лысый дядечка весьма плотного телосложения вскочил на

ноги и поклонился. Я разинула рот. Сколько же лет этой бабе, если упитанный субъект ее сынишка?

Словно прочитав мои мысли, Мадлен улыбнулась.

– Ценю вашу деликатность, – нежно пропела она, – но вижу, мое имя ни о чем вам не говорит!

– Извините, если обидела, – кивнула я, – ей-богу, не хотела, просто очень голова болит!

Мадлен уставилась на Зайку.

– Вот видите, что я вам говорила?

– Нет, нет, – завияла хвостом Ольга, – все замечательно, комнаты для гостей пустуют, никого не обремените, наш договор в силе.

Ситуация мигом прояснилась. Ага, понятно, по неизвестной пока причине Заюшка пригласила Мадлен и ее престарелого сыночка и предложила им пожить у нас, вот почему Ольга была со мной так любезна, знает ведь, что терпеть не могу в доме посторонних. В особенности тех, что нагло присваивают хозяйские шлепки и хватают чужие кружки.

– Ира постели готовит, – лебезила Зая.

Я встала.

– Простите, совсем голова разболелась, – сказала я и отправилась к себе.

Но не успела переступить порог спальни, как за мной вихрем влетела Зайка, шлепнулась на диван и забубнила:

– Так и знала, что ты станешь злиться! Между прочим, крайне редко зову людей пожить в Ложкине.

– Пусть остаются!

– Но ты перекосилась!

– Из-за чашки и тапок, – призналась я, – и вообще, эта

Мадлен мне противной показалась...

Выслушав мои упреки, Зая замахала руками:

– Прости, куплю тебе новые тапочки.

– Ладно.

– Кружку уберу под замок!

– Спасибо.

– Только, пожалуйста, будь с ними поласковой, в особенности с Мадлен, – заискивающе попросила Ольга.

– Послушай, зачем она тебе? – заинтересовалась я.

Зайка вдруг трагическим голосом воскликнула:

– Ты видела мои морщины?

– Где?

– Вот здесь, на лбу и у глаз.

– Обычные гусиные лапки, ерунда, на такое даже внимание обращать не стоит!

– Но раньше их не имелось!

Я подавила вздох.

– Видишь ли, возрастные изменения, увы, неизбежны.

Ольга заморгала.

– Телевидение любит молодые лица! Стариков из кадра вышвыривают, в особенности женщин.

– Тебе пока рано думать о пенсии.

– Но она настанет!

– До этого еще далеко!

– Не хочу превращаться в Бабу Ягу, – топнула ножкой Ольга, – ненавижу старость!

Ну что ответишь на подобное заявление? Мне тоже не слишком приятно осознавать, что процесс трансформации в развалину необратим, но как победить время? Конечно, некоторые женщины, пренебрегающие спортивными занятиями, диетой и лишенные оптимизма, уже в тридцать похожи на кули с мукой. Можно и в девяносто бодро бегать по улицам и работать с полной отдачей, вот только на двадцать в таком возрасте выглядеть не станешь, хоть тресни. И надо, наверное, спокойно примириться с неизбежным, правда, неизвестно, что я сама запою, перешагнув за восемьдесят.

– Знаешь, сколько лет этой Мадлен? – выкрикнула Ольга.

– Сначала показалось – около тридцати, но, учитывая наличие великовозрастного сыночка... – размышляла я вслух, – Вадиму примерно тридцать пять, ну, предположим, она его родила в восемнадцать, следовательно, Мадлен – пятьдесят три. Хотя, следует признать, маманя смотрится моложе отпрыска.

– Кудо справила в январе семидесятилетие, а Вадиму пятьдесят два!

– Врешь! – подскочила я.

– Паспорт видела, – не унималась Ольга, – их наша редакторская группа проверяла! Вот почему они у нас! Поняла?

– Нет, – призналась я.

– Сейчас объясню, – с горящим взором объявила Ольга, – слушай внимательно и забудь о своей дурацкой манере перебивать человека на каждом слове.

Глава 7

Для тех, кто плохо знаком с нашей семьей, скажу пару слов о Заюшке. Довольно долгое время Оля работала спортивным комментатором в одной из телепрограмм. Хорошенькую ведущую, блондиночку с карими глазами, обожали зрители, и Зайка наивно полагала, что станет всегда «звездить». Но мир телевидения жесток, бал там правит «сладкая парочка» по имени «рейтинг и доля». Позвольте только не объяснять, кто они такие, эти рейтинг и доля, просто учтите: именно ради них, а не ради вас, зрителей, затевается та или иная программа.

Так вот, пресловутый рейтинг Зайкиной передачи скатился к нулю, ее спортивные обзоры не выдержали конкуренции, одной симпатичной мордочки оказалось мало. Мужчины, основные зрители спортивных программ, отчего-то предпочли комментатора Уткина, не блондина и не красавца, но большого знатока футбола и краснбая, сыплющего хлесткими фразами.

Поняв, что ей грозит отставка, Зайка впала сначала в истерику, а потом в минор, рухнула в кровать и принялась тихо плакать.

Аркадий почесал в затылке и отправился к телевизионному начальству – у нашей семьи есть деньги, которые мы не тратим на казино и покупку золотых унитазов. Через месяц

проблема была решена.

Заюшка стала лицом новой передачи под названием «Спроси у Ольги». Ничего оригинального ни сценарист, ни режиссер не предложили, самое обычное ток-шоу, построенное по традиционному образцу: студия, зрители, гости и милая ведущая.

Гости в студии случаются разные, их подыскивает и проверяет редакторская группа. Так вот, на одну из передач была приглашена Мадлен Кудо с сыном Вадимом. Они называли себя геронтологами, имели на руках дипломы о медицинском образовании и утверждали, что старость – не естественное состояние человеческого организма, а болезнь, с которой можно и нужно бороться. Ни экстрасенсами, ни знахарями, ни нетрадиционными целителями или колдунами Мадлен и Вадим не были. Просто эти адепты нормальной медицины, специалисты по правильному питанию разработали уникальные диеты, замедляющие процесс старения. Более того, Мадлен со спокойной улыбкой сообщила:

– Если пересмотреть свой образ жизни, понять, что красота, здоровье и долголетие зависят лишь от тебя самой, то время потечет вспять.

Для пущей убедительности Мадлен пригласила в студию мужчину и женщину, чьи лица были закрыты масками.

– Не стану притворяться, – улыбалась Кудо, – мы с сыном зарабатываем на жизнь своим умением омолаживать пациентов. Стоят наши услуги недешево, индивидуально работа-

ем лишь с теми, кто способен оплатить долгий цикл занятий. Тем же, кто не может нанять Кудо в качестве инструктора, вполне по карману книга «Молодость навсегда». Люди, которые сейчас стоят перед вами, обучались по данному изданию. Кстати, если заинтересуетесь, после передачи приобретете пособие в холле. Теперь внимание, слева – Николай Иванович, ему восемьдесят лет, справа – Анна Ивановна, ей девяносто. Анечка, начнем с вас, покажите, пожалуйста, на что способны.

Стройная женщина сбросила халат. Обнажилась по-девичьи подтянутая фигура в купальнике. Анна Ивановна ловко проделала несколько упражнений, попрыгала через скакалку, поприседала и под конец безо всякой одышки, спокойным голосом произнесла:

– Тут развернуться негде, а то бы колесом прошлась.

Николай Иванович, сменивший женщину, выглядел как «Мистер Европа», он тоже продемонстрировал идеальное физическое состояние, отжимался, хлопая в ладоши, делал стойку, кульбит.

– Брехня, – не выдержал кто-то из зрителей, – это молодые люди, мастера спорта по гимнастике.

– Мне девяносто лет! – обиженно воскликнула Анна Ивановна.

Зал грохнул от смеха.

– Маски снимите, – загалдели присутствующие, – на морды посмотреть хотим!

Мадлен подняла руку.

– Спокойно, господа, вас никто не обманывает. Только лиц они не откроют. Анна недавно вышла замуж, ее супруг – тридцатилетний парень. Конечно, некрасиво врать, но Анечка не сообщила ему свой подлинный возраст. А Николай пристроился на новую работу, где его считают молодым специалистом. Вот почему и она, и он хотят сохранить инкогнито. Впрочем, если под вашим давлением они и решатся снять маски, ничего это не даст, у моих адептов внешний вид девушки и юноши.

Зрители заржали.

– Гоните врунью!

– Нашли дураков! Неужели думаете, что в такой цирк поверим?

Ольга слегка растерялась, но Мадлен сохраняла олимпийское спокойствие.

– Считаете меня обманщицей? – прищурилась она. – Сейчас оправдаюсь.

Не успела Зайка раскрыть рот, как гостья вышла на середину студии и мгновенно скинула платье, под одеждой оказался купальник. Кудо легко встала на мостик, затем перешла в стойку, перекувырнулась, взяла себя за носок правой ноги и, продемонстрировав идеальную растяжку, замерла в вертикальном шпагате.

– Ну как? – поинтересовалась она у присутствующих. – Сколько мне лет?

– Двадцать пять, – взвизгнула тетка в первом ряду.
– Тридцать, – перебил ее дядька из второго.
– Ну, учитывая, что мужу на четвертый десяток перева-
лило... – завела было бабка в левом углу студии, но Мадлен
перебила старуху:

– Это мой сын Вадим, ему пятьдесят два.
Тут уж вместе с залом захихикала и Оля.
– Сколько же вам лет? – донеслось со стороны зрителей.
– Я возраст не скрываю, – улыбнулась Мадлен, – и маску
на лицо не надеваю, замуж не собираюсь, хватит, навыходи-
лась. Позавчера отметила семьдесят.

– Брехня! – затопали ногами присутствующие, а Оля, гля-
дя на возмущенных людей, обозлилась на редактора, выпу-
стившего в прямой эфир такую лажу.

Кудо вынула из сумки паспорт.

– Хотите посмотреть?

– Давай сюда, – согласились участники шоу.

Бордовая книжечка пошла по рядам, и по мере того, как
она переходила из рук в руки, возмущение сменялось мол-
чанием. Кудо и впрямь оказалось семьдесят.

Стоит ли говорить, что после программы лоток с книгой
«Молодость навсегда» снесло могучим ураганом, а потря-
сенная Ольга привезла Мадлен и Вадима в Ложкино.

– Цикл занятий длится год, – щебетала Зайка.

– Двенадцать месяцев? – ужаснулась я. – Они станут жить
с нами триста шестьдесят пять дней?

– Послушай, – взвилась Зайка, – конечно, удовольствие дорогое, и чужие люди не всегда приятны, но игра стоит свеч.

– Отчего бы нам не купить книгу и не заниматься самим? – робко предложила я.

Зая насупилась.

– Мы живо все забросим, один денек посидим на диете, и все, и упражнения делать никто не станет. Вот ты ходишь на беговой дорожке? Пользуешься спортзалом, который оборудовали с самыми благими намерениями?

– Нет, – призналась я.

– То-то и оно! – торжествующе воскликнула Зайка. – А Мадлен и Вадим правильно наладят наш быт. Тут, оказывается, имеет значение все: питание, упражнения, очистительные процедуры, одежда, постель!

– Но почему год? – продолжала сопротивляться я.

– Меньше чем за двенадцать месяцев не перестроимся. Нам, кстати, повезло. У Мадлен и Вадима есть еще два клиента, фамилий они, естественно, не называют, но по некоторым оговоркам понятно – люди с самого верха, из администрации президента! Так вот, к ним Кудо будут просто ездить, на пару часиков, а у нас станут жить постоянно, регулярно рулить процессом. Да, скоро мы сбросим лет так пятьдесят, а то и больше!

– Значит, я превращусь в сперматозоид, – вздохнула я, – пять десятков лет назад меня и в проекте не было, кстати,

тебя, Кеши и Машки тоже. В Ложкине после омолаживающих процедур останется лишь Дегтярев, в виде младенца в пеленках, и погибнет от голода!

– Не идиотничай, – зашипела Зайка, – тебе что, не хочется стать двадцатилетней?

– Ой, нет, – испугалась я, – ни за какие коврижки! Я в ту пору была замужем за Костиком! Это кошмар! Ни хорошей работы, ни денег, зато куча проблем. Нет уж, мне сейчас намного лучше, в Ложкине и со счетом в банке.

– Все останется, только резко помолодеешь!

– Ну... В принципе, мне и так хорошо!

– Нельзя быть эгоисткой, – с задором боевого петуха налетала на меня Ольга, – посмотри на Дегтярева – пузан! Нагнуться не может. Кеша, кстати, постоянно жалуется на спину.

– Вот пусть Кудо ими и занимается.

– Программа семейная!

– Не хочу!!!

Зайка всхлипнула.

– Конечно, сама великолепно выглядишь! На лице ни морщинки, волосы шикарного оттенка и блестят. А у меня вокруг глаз «гусиные лапки» и цвет волос потускнел.

– Зая, не ерунди, ты преувеличиваешь. Хочешь, открою тебе один секрет? Я давным-давно крашу волосы.

– Чем? – разинула рот Ольга.

Потом она погладила меня по голове и констатировала:

– Врешь, шевелюра мягкая, блестящая, и цвет живой! Крашенные волосы смотрятся иначе, они тусклые!

– Нет, я покупаю краску «Палетт», ее делает компания «Шварцкопф и Хенкель». От души советую, легко пользоваться, я, например, теперь даже в салон не хожу, не люблю без толку тратить кучу времени. Сама намазываю волосы «Палетт», подержу указанное в инструкции время, смою, и гляди, как здорово! Хочешь, дам попробовать? Держу небольшой запас любимого оттенка в ванной.

Ольга заморгала, потом топнула ногой.

– «Палетт»! Так я тебе и поверила! А то я крашенных волос не видела!

– Ей-богу, не вру! Сейчас принесу коробку.

Зайка зашмыгала носом.

– Вот ты какая! Только о себе печешься. А о нас позаботиться не надо? Меня, старую и морщинистую, выгонят из кадра, полковник окончательно превратится в кабана, Кешка сляжет с негнущимся позвоночником!

По румяным щечкам Заюшки ручьем покатались слезы. Мне стало стыдно, в конце концов, большой беды от Кудо не будет, скорее всего, станут потчевать нас собственноручно собранной и высушенной крапивой да заставят делать гимнастику по утрам. Домашним очень скоро надоест вставать ни свет ни заря и маршировать вокруг дома, вот тогда Мадлен с Вадимом уедут. Никто их целый год держать тут не станет, тот же Аркадий взбеленится очень быстро. Правда, пока

отсутствует Дегтярев, Кеша не сумеет противостоять Ольге, но, когда полковник вернется, мужская часть семьи объединится в мощный отряд – и прощайте, геронтологи! Сейчас мне не следует спорить с Зайкой, решившей получить очередную игрушку, иначе потом не избежать скандала. Ольга сядет на боевого слона и растопчет Дашутку. А потом она еще лет тридцать при каждом удобном случае станет говорить: «Вот когда ты турнула врачей...»

– Ладно, – улыбнулась я, – пусть будет по-твоему!

– О... о... о! Супер! – подпрыгнула Ольга. – Всегда знала: ты – настоящий друг.

Радостно напевая, Зайка унеслась вниз, а я неожиданно заснула прямо на диване, забыв раздеться.

Около одиннадцати утра я с опаской вышла в столовую – не дай бог, Мадлен сейчас выстраивает наших на утреннюю пробежку! Но в доме было тихо, на вопрос: «Где все?» – домработница Ирка спокойно ответила:

– Разбежались, Аркадий Константинович Маню на занятие повез, Ольга тоже усвистела. Одни мы, если не считать садовника с собаками.

– А гости?

– Так укатали самыми первыми, работа, сказали, ждать не может.

– На чем отправились?

– У них машина своя, – зачастила словоохотливая Ирка, –

дорогая тачка, как у Аркадия Константиновича. Мужик на заднее сиденье сел, дама за руль влезла. Правду Зайка говорит, что они ученые-омолодители?

– Да, – кивнула я.

– Интересно, – протянула Ирка, – у меня по детским годам, лет до двенадцати, волосы красиво вились, а потом перестали. Может, опять закудрявятся?

Наверное, следовало объяснить домработнице, что нельзя войти дважды в одну и ту же воду, но мне было недосуг просвещать Ирку. Я быстро выпила кофе и хотела бежать в гараж, но пришлось вернуться в спальню. Есть у меня талисман, цепочка с медальоном, я не всегда ношу его, но сегодня тихий, внутренний голос повелел: «Надень его». Я послушно повесила украшение на шею и взялась за телефон.

Девушка из справочной спокойно назвала адрес харчевни «Сладкая пицца»:

– Записывайте название улицы и номер дома.

Я обрадовалась. Господь одарил Дашутку хорошей памятью и чутьем языка. Ну согласитесь, название «Сладкая пицца» звучит по-дурацки. Лепешка с сыром может быть какой угодно: горячей, вкусной, большой, маленькой, аппетитной, нежной, острой, огромной, дешевой, но никак не сладкой. Впрочем, кое-кто любит гавайский вариант, с ананасами, но даже его не назовешь сладким, скорее пикантным. Именно несуразность названия и заставила меня запомнить его.

В небольшом ресторанчике оказалось полно народа. Наверное, тут готовили вкусную еду – в воздухе витали очень аппетитные запахи. Я в раздумье села за столик, мигом подскочила девушка, симпатичная брюнеточка в ярко-красной униформе.

– Что желаете? – заулыбалась она.

– Скажите, вы на дом пиццу возите?

– В пределах МКАД бесплатно, далее по тарифу.

– А где можно сделать заказ?

– Вам придется обогнуть здание с другой стороны, но лучше позвонить, сейчас принесу рекламную листовку.

Выпалив информацию, брюнеточка ринулась к кассе, а я поспешила к выходу, оказалась на улице, обошла дом и увидела дверь с табличкой «Служба доставки».

Вход преградил охранник.

– Вам куда?

– В «Сладкую пиццу».

– Это с улицы.

– Мне в отдел кадров.

– Зачем?

– На работу хочу устроиться.

Секьюрити взял трубку.

– Алло, Анюта, к вам пришли, женщина, выглядит прилично, хочет в пиццерию на службу. Проходите, девятая комната.

Поняв, что последняя фраза относится ко мне, я кивнула

и быстро зашагала по коридору, ища нужную дверь.

Анюта оказалась совсем молодой девушкой, с виду чуть старше Маши.

– Это вы хотели в пиццерию устроиться? – удивленно спросила она, окидывая взглядом мою фигуру.

В голове девушки мигом заработал калькулятор, она сразу поняла, сколько стоит моя скромная замшевая сумочка, в какую сумму обошлись серьги, перчатки, ботинки и куртка. Я не покупаю вещи с кричащими ярлыками дорогих фирм, предпочитаю брать что поскромней, но, как ни странно, «безлика» шмотка зачастую стоит дороже изделия того же производства, приукрашенного именем модельера. Большинство людей сочтет мою одежду не стоящей внимания, и это прекрасно, я вовсе не собираюсь пускать пыль в глаза. Однако встречаются особы, способные мгновенно оценить то, что надето на Дашутку, и, похоже, Анечка из их числа.

– Вы? – повторила она. – На кухню?

– Нет, душенька, – снисходительно пропела я, старательно изображая из себя капризную особу, – конечно, нет. Слава богу, нет необходимости бегать с подносом или толкаться у сковородки.

– Но наш охранник...

– Он идиот.

Аня хихикнула.

– Верно. Умный ведь не пойдет дверь сторожить. Так зачем пожаловали?

Я улыбнулась.

– Увы, в наше время никому доверять нельзя, согласны?

Аня наклонила голову вправо.

– Может, и так.

– Если хочешь, чтобы дело было сделано хорошо, надо браться за него самой, – продолжила я.

– Это верно, – кивнула Аня.

– Вот поэтому я и пришла. Мне нужен шофер, требований особых не выдвигаю, ищу женатого мужчину в возрасте от тридцати до сорока, непьющего, несудимого, не наркомана, хорошего профессионала и честного человека.

– А при чем тут мы? – изумилась Аня.

Я кокетливо прищурилась.

– Милая, вы не дали договорить. В бюро по трудоустройству подобрали нужную кандидатуру, некий Александр Лактионов. В качестве последнего места работы мужчина указал «Сладкую пиццу», он трудился у вас на доставке заказов. Вот поэтому и приехала, хочу сама, без посредников, спросить: Лактионов порядочный человек? Могу ему доверять? Можно впустить его в дом?

Аня нахмурилась.

– Лактионов?

– Да.

– Александр?

– Точно.

– И давно он от нас ушел?

– Точно не скажу.

– Сейчас гляну, – кивнула девушка и включила компьютер. – Ларионов есть, но он Николай.

– Нет, не тот.

– Ясное дело, – улыбнулась Аня, – Ларькин Михаил – упаковщик, Ломтев Олег – водитель, Лофоров Игорь – охранник. Больше мужчин на «Л» не имеем.

– Вы среди уволенных посмотрите.

– Там и смотрела, – кивнула Аня, – работающие вам ни к чему.

– Точно нет?

– Стопудово, у нас как в аптеке, – пояснила кадровичка, – а к тем, кто пиццы развозит, особые требования, их же люди в дом впускают, не дай бог, пропадет чего – и на репутации фирмы пятно. Знаете, какая нынче конкуренция.

– Что значит особые требования? – насторожилась я.

– Обязательно москвич, с постоянной пропиской, – стала перечислять Аня, – рекомендации с предыдущего места работы, безупречная анкета.

– А если человек судим?

Кадровичка замахала руками.

– Ни за что не возьму, мне геморрой не нужен, уголовникам доверия нет.

– Даже отсидевшему и законно освободившемуся? Но это же ущемление прав личности.

Аня скривилась.

– Не знаю, кому и что я прищемлю, только если у человека в анамнезе отсидка, ему без шансов сюда попасть. Прямо, конечно, не скажу: «Ты вор и пошел вон». Деликатненько сообщу: «Простите, вакансия занята, оставьте координаты, позвоню, если место освободится».

– А вдруг вас обманут? Не сообщат правду?

Аня захихикала:

– Тут, около нас, районное отделение милиции находится, его сотрудники пиццу уважают и с пятидесятипроцентной скидкой ее имеют. Если к нам новый служащий нанимается, я ребят прошу, они его по компьютеру проверяют. Претендентов сразу предупреждаю: «Лучше не врите, мы людей под микроскопом изучаем».

– Пожалуйста, – взмолилась я, – поищите Лактионова.

Аня задвигала мышкой и в конце концов вынесла вердикт:

– Мы десять лет на рынке и никогда не имели дело с Александром Лактионовым. Гоните шофера вон, он врет, а маленькая ложь, как известно, заслуживает большого недоверия.

Глава 8

Я вышла на улицу, поежилась от резкого ветра, потом обогнула дом, вошла в пиццерию, увидела лишь одно свободное местечко, у стены, и плюхнулась на пластиковое сиденье. Мигом подошла та же брюнетка.

– Что хотите?

– Пиццу, – лязгая зубами от озноба, попросила я.

– Какую?

– Самую вкусную, любую. На ваш вкус.

– С осьминогами и ананасами?

– Нет! Ни в коем случае.

– Тогда давайте ориентироваться на ваши пристрастия, – улыбнулась официантка.

– С грибами есть?

– Конечно.

– Несите, и чай, желательно очень горячий.

Брюнетка пошла на кухню, а я попыталась привести мысли в порядок. Александр Лактионов в «Сладкой пицце» не служил, Ане обманывать меня нет никакого резона. С другой стороны, очень хорошо помню, что Лида, рассказывая об истории своего знакомства с любимым, упомянула именно «Сладкую пиццу», я запомнила это кретинское название. Значит... Что же это значит?

– Слышь, Таньк, – слышалось сбоку, – восемнадцатый

по вертикали! Эй, отзовись.

– Угу, – промычал кто-то, – говори.

Я повернула голову – чуть поодаль, на той же скамейке, сидели две девчушки, лет четырнадцати, они наслаждались пищей и заодно отгадывали кроссворд.

– Ну, Таньк, внимание! Абориген Республики Саха, четыре буквы.

Повисло молчание, потом Таня сообщила:

– Дура ты, Ленка, ясное дело, лось!

– Почему? – удивилась Лена.

– Он же «сахатый»⁶, – гордо пояснила Таня, – неужели никогда не слышала, что лосей сахатыми зовут.

– Ну, ты и чмо, – отозвалась Лена, – лось, он кто?

– Животное!

– А тута стоит абориген Республики Саха, абориген, докумекала?!

– И че? Абориген – это растение?

– Ой, не могу! Абориген – такая штука... Ну они еще в Австралии водятся... типа обезьяны.

– Да ну? – изумилась Таня.

– Верняк, – кивнула Лена, – мартышки натуральные, сумчатые.

– Как бы не так, – отозвалась Таня, – тута всего четыре буквы, а у нас! М-о-р-т-ы-ш-к-а!

– Она м-а-р-тышка.

⁶ Слово пишется – сохатый.

– Однофигиственно, все равно не подходит, абориген – это другое.

Призадумавшись, школьницы набили рты пиццей, я с любопытством смотрела на их глуповатые мордашки. Может, объяснить двоечницам, что под словом «абориген» составитель кроссворда подразумевал представителя коренного населения края, в данном случае следует вписать «якут».

– Слышь, Ленка, а Саха – это где?

– В Африке, – твердо заявила Лена, – только там.

– Республика? Не! Скорей всего, в Европе, – засомневалась более образованная Таня, – у африканцев в основном племена всякие, пигмеи, людоеды.

– Ты не умничай, – оборвала ее Лена, – еще про Бармалея вспомни, обезьяну на четыре буквы знаешь?

– Не-а.

– Тогда пишем лося.

– Чтой-то не так! Лоси в Африке не живут.

– Ты че! Их там полно! – отстаивала свою точку зрения Лена. – Кишмя кишат, их тигры жрут.

– Не, у них антилопы всякие!

– А лось, по-твоему, кто?

– Баран, – сообщила Таня, – большой такой, с рогами, он их о дерево чешет и сбрасывает, а потом люди их подбирают и лекарство варят.

Лена постучала пальцем по лбу.

– Ау, войдите! Танюха, скажи наркотикам «нет». Какие

таблетки из рогов!

– Точно знаю, – уперлась Таня, – у меня бабка пьет настойку такую.

Я прикусила нижнюю губу, милые девочки ухитрились свалить в кучу все: оленей, маралов, рога и панты, лекарство под названием «пантокрин», антилоп, африканские племена... Но они даже не представляют, насколько далеки от действительности. Отчего им не пришло в голову, что Республика Саха – часть России, богатейший край с алмазами и ценным пушным зверем?

– Сама ты овца, – резюмировала Лена, – а лось – абориген. Пиши, подходит?

– Ну, не очень, – призналась Таня, – в середине должна быть «к». Мы же правильно отгадали имя великого украинского поэта Шевченко – Костя⁷.

– Дай сюда. – Лена выхватила журнал из рук подруги. – Абориген – точно лось! Значит, Шевченко – не Костя! Если в конце неправильно выходит, то ошибка была вначале. Давай Нике позвоним, она ботан, все про литру знает!

Я вскочила и побежала к выходу, забыв про заказанную пиццу. «Если в конце неправильно выходит, то ошибка была вначале». Спасибо милым двоюродницам, они натолкнули меня на правильную мысль. Сейчас поеду к Лиде и выясню, как называлась пиццерия, скорее всего, я неправильно услышала название! Может, контора называется «Сладкая пиццерия»,

⁷ Имя великого поэта Шевченко – Тарас.

согласитесь, пицца и пиццерия – разные вещи!

Случаются такие счастливые дни, когда в Москве нет пробок, сегодня я проделала необходимый путь всего за полчаса, придя в восторг от пустых улиц. Понимаете, с каким хорошим настроением я входила в подъезд Лиды и как оно мгновенно испортилось, когда у крепко запертой двери я вдруг сообразила: на дворе будний день, следовательно, Лидочка сидит в бухгалтерии, а Клавдия ремонтирует очередную квартиру.

Стукнув от досады кулаком по створке, я прислонилась к стене, потом вытащила сигарету и зажигалку. Делать нечего, придется ехать домой, поиски откладываются до вечера. Впрочем, можно не рулить в Ложкино, лучше потрачу свободное время на поход по магазинам, авось куплю себе новые джинсы.

Обойдя огромный торговый комплекс два раза по кругу, я рухнула на стул в кафе и вцепилась в бокал с латте. Ну скажите, пожалуйста, где в Москве купить одежду для женщины, уже не юной девушки, но еще не бабушки, в каком отделе одеться даме, которая не желает выглядеть ночной бабочкой, но при этом не хочет смотреться, как светская львица города Задрипанска? Где, простите, хорошие, элегантные брюки, пуловеры и не китчевая обувь? Почему уже сейчас на вешалках в основном висят сарафаны и купальники? Отчего у нас зимой и осенью торгуют шелковыми блузками, а летом

предлагают мерить пальто на вате, шапки-ушанки и сапоги из убиенного невинного агнца?

Только не верьте продавцам, которые торжественно заявляют:

– Мы теперь как в Париже живем.

Вот это неправда! Могу открыть страшный секрет. В столице Франции вы элементарно найдете зимой теплые брюки и хорошего качества пуловеры, более того, они не будут со всех сторон расшиты бисером, пайетками и украшены «брильянтами» размером с хорошую сковородку. Вернее, подобные вещи тоже обнаружите, но обычных все же больше. И цены в универмагах окажутся ниже, и распродажа на самом деле сейл, а то ведь многие московские бутики сначала пишут на ценнике «10 000 руб.», а потом перечеркивают устрашающую цифру, ставят во много раз меньшую, приемлемую, и заявляют:

– Видите, как мы снизили цену!

Так она изначально была искусственно завышена!

Ворча все это себе под нос, я в третий раз прочесала магазинчики и, чтобы не уходить с пустыми руками, мучаясь тем, что день пропал зря, купила все же джинсы – так, ничего особенного, классический темно-синий вариант с обычными карманами. Джинсы хорошо сели на бедра, но оказались длинны, пришлось оставить их, чтобы подшили.

Устав от пустого времяпрепровождения, я снова приехала к Лиде, позвонила в дверь, но – никакого движения. Ча-

сы показывали восемь вечера, наверное, Лида задержалась на службе, а у Клавдии, естественно, ненормированный рабочий день.

Пока я соображала, как поступить, дверь соседней квартиры приоткрылась, и из узкой щелки донесся скрипучий голосок:

– Чего тут делаешь?

– Извините, если помешала.

– Уходите, – прикрикнула суровая тетка, – а то в милицию сообщу!

– Ничего плохого не делаю, просто стою.

– Вали на улицу.

– Там холодно, и потом, мне Лида нужна! Не знаете, когда она с работы приходит?

– Лидка? – воскликнула соседка. – А ты им кто?

– Из магазина прислали, – ляпнула я, – брюки она подшить отдавала.

Не успел язык сболтнуть глупость, как я опомнилась. Господи, что несу! Какие штаны! Лида небось одевается на рынке! И одежду на дом никто вам не привезет, даже супердорогие бутики не оказывают подобных услуг.

Но соседка почему-то поверила незнакомке, широко распахнула дверь и предстала передо мной во всей красе: на голове шлем из бигуди, тело облачено в старый спортивный костюм, лицо покрывает толстый слой питательной маски.

– Рули назад, – хмыкнула она, – в больнице Лидка.

– Что случилось?

– Ой, жуть! Похоже, ее муж побил! До крови!

– Кто? – попяtilась я.

– Чего удивляешься? – скривилась тетка. – Или сама никогда не получала зуботычин?

Я вздохнула: один из моих бывших мужей по имени Гена, не к ночи будь помянут, был алкоголиком и один раз, налившись выше макушки, сильно ударил меня. После этого случая я разорвала с пьяницей отношения и постаралась забыть супруга. Правда, спустя много лет он снова появился на горизонте, но об этой истории я уже рассказывала, и вспоминать ее еще раз сейчас совершенно не хочется⁸.

– Чего молчишь? – ухмыльнулась баба. – Подсчитываешь, сколько раз тебя мутузили? Вот и Лидке досталось!

– Но Саша же ушел от нее, – вырвалось у меня.

– Че не знаю, того не знаю, – скривилась баба, – кто к кому ходит или от кого уходит, мне, ваще-то, по барабану.

– Откуда тогда знаете про побои?

Тетка неожиданно приветливо сказала:

– Вишь, у нас лифт какой? Старый да раздолбанный, вечно ломается, а на новый у домоуправления денег нет, мы и привыкли по лестницам ходить.

Я навалилась на стену, старательно слушая тетку, а та самозабвенно жаловалась на безобразное состояние дома, но наконец приступила к изложению интересующих меня фак-

⁸ См. роман Д. Донцовой «Гарпия с пропеллером», издательство «Эксмо».

тов.

– Иду с ночной смены, пять утра на часах, нажимаю пальцем кнопку. Нет ответа. Ну, думаю, повезло тебе, Нинка, мало того, что на работе двенадцать часов простояла, так еще вверх на своих двоих переть.

Кляня свою тяжелую долю и бездарное домоуправление, Нина поплелась на свой этаж. Когда, задыхаясь, добралась-таки до родимой площадки, то поняла: лифт работает, просто кто-то придержал его на этаже, заблокировав двери.

Не успела Нина рот открыть, чтобы обругать нахалов, как из квартиры соседей санитары вынесли носилки. На них, до подбородка укрытая одеялом, лежала Клава. Сзади шел доктор, молодой парень в белом халате, он поддерживал Лиду, на плечи которой было накинута пальто.

Нина глянула в лицо соседке и машинально перекрестилась. Лоб, щеки, нос Лиды были покрыты красными пятнами, волосы повязаны махровым полотенцем, пропитанным кровью. Увидав Нину, Лида пошатнулась, врач подхватил пострадавшую и сердито сказал:

– Проходите, женщина, чего уставились? Не цирк, смешного ничего нет.

– Господи, – прошептала Нина, – чего это с ней?

– А что с вами постоянно случается, – буркнул врач, наблюдая, как санитары впихивают носилки с Клавой в лифт, – ясное дело, муж избил, и ее, и тещу. Связываете жизнь с алкоголиками, а потом удивляетесь, когда они вас гнобить при-

нимаются.

– Матерь Божья, – вздохнула Нина, – вот беда.

Лида тенью шмыгнула в лифт, врач мрачно велел Нине:

– Вот номер больницы, куда их повезут, запишите где-нибудь, вдруг родственники спрашивать станут. Клавдия, та, что на носилках, говорить не может, а молодая не в себе, ей меньше досталось физически, зато психологический такой шок получила, что тоже молчит.

– Ага, – закивала Нина, – конечно, ежели кто поинтересуется, передам номерок.

– Информация у вас осталась? – резко спросила я.

– Ну да.

– Говорите название клиники.

Нина исчезла, потом появилась снова и подала мне листок:

– Вот.

Я схватила клочок бумаги и бросилась к лестнице.

– Эй, эй, – опомнилась Нина, – а тебе зачем? Неужто брюшки в палату повезешь?

Но я, не отвечая на вопрос, уже неслась вниз.

Лечебное учреждение оказалось открытым, несмотря на поздний час, в холле было полно людей, и еще работала справочная. Подойдя к окошку, я спросила у пожилой женщины:

– Вчера, вернее, сегодня ночью к вам по «Скорой» привезли двух женщин, Клавдию и Лидию Ивановых, где могу

узнать о состоянии их здоровья?

Бабушка судорожно вздохнула.

– Щас, милая, ты погоди, попытаюсь глянуть!

Морщинистая, покрытая пигментными пятнами рука ухватила «мышку», старушонка забормотала:

– Так! Сначала программы. Нет, пароль! Ох, трахтибидох! Пароль!

В следующую секунду бабка высунулась из окна и завопила:

– Маня, ты изменяла? Говори живей, человек ждет!

Я расстегнула куртку. Спору нет, компьютер – великое изобретение, но кое-кому он принес лишь одни неприятности. Моя подруга Катя Булавская, например, именно из-за умной машины потеряла совершенно замечательного мужа, Игоря, тихого, спокойного ботаника, все свободное время проводившего у монитора. Игорь был отличным супругом, не пил, не курил, хорошо зарабатывал, никогда не ругал безалаберную Катку за отсутствие обеда и покупку сотой кофточки. Любая другая баба жила бы и радовалась, но Катюхе хотелось романтики, а Игорь не дарил цветов, не замечал красивого сексуального белья, а от ароматических свечей начинал судорожно кашлять. Сначала Булавская дулась, но потом решила, что в качестве спутника жизни Игорек идеален, а романтики она начерпает в чужом колодце. Пользуясь тем, что супругник стопроцентно доверял жене, Катюха пустилась во все тяжкие, она могла заявиться домой за полночь и

спокойно сообщить:

– Начальник совсем оборзел, работы навалил выше крыши.

– Бедная моя, – отвечал, не отрываясь от экрана, Игорь, – сделай нам чаек.

Представьте теперь ужас Катюхи, когда она, мило проведя время с очередным любовником, спокойно притопала домой и увидела в прихожей красного от гнева мужа.

– Почему мобильный выключила? – заорал он, наскакивая на неверную супругу.

– Батарейка села, – ловко выкрутилась Катька, пораженная невменяемым состоянием мужа.

Булавская полагала, что супруг сейчас успокоится и отправится к компьютеру, но Игорь схватил Катюху за плечи, потряхнул и злобно спросил:

– Изменяла?

Булавская похолодела, не понимая, каким образом апатичный, не интересующийся ничем, кроме новых программ, Игорь узнал правду о бурной интимной жизни супруги, и выкрикнула:

– Нет.

– Врешь, изменяла!

– Нет, нет!

– Не смей обманывать, хочешь, чтобы носом ткнул? – окончательно разъярился ботаник.

Сообразив, что у муженька имеются веские доказатель-

ства ее неверности, Катюха перепугалась, развод не входил в ее планы. Оставалось лишь надеяться, что Игорь простит спутницу жизни, и Катюха совершила ошибку.

– Да, – пролепетала она, – случайно, всего один раз.

Милые мои, даже если муж поймал вас нагой, в объятиях другого мужчины, твердо отрицайте факт прелюбодеяния. Никогда не признавайтесь в неблагоприятном поступке, стойте на своем – вы верны мужу. Вас оклеветали враги, голый незнакомец на самом деле врач, который делает вам искусственное дыхание. Почему он без одежды? Так надо, вам плохо, у вас клиническая смерть, и вам не до того, чтобы в деталях рассматривать доктора. Врите что угодно, но никогда, запомните, никогда не признавайтесь в измене.

Мужчина способен простить женщине все, кроме адюльтера. У сильной половины человечества гипертрофировано чувство собственности. Если схватите бритвенный станок мужика, он его потом выбросит, а использованную другим мачо жену вышвырнет вон. Не потому, что сильно любит вас, а потому, что считает за вещь и не желает иметь секонд-хенд. Не думайте, что тихий, интеллигентный мямля спокойно проглотит фразу типа: «Я была тебе неверна, прости, милый». Из тысячи парней ни один не простит вас, может, кто и сделает вид, что благородно не заметил «левака», но в самый неподходящий момент напомним вам о нем, поэтому молчание – золото.

Но Катюха совершила распространенную ошибку, взяла

да призналась.

Игорь рухнул на табуретку и уставился на жену, а та принялась юлить:

– Милый, прости, всего один раз, очень недолго, не о чем и говорить, пяти минут с ним не провела, люблю только тебя. И потом, я была пьяной, это даже не любовь, а почти изнасилование!

– Ты МНЕ изменила? – обомлев, осведомился муж. – С парнем?

– Ну да, – кивнула Катька, – ведь не с бабой же! Кстати, ты откуда узнал?

– Только что от тебя услышал, – прошептал Игорь, – сама призналась.

Булавская уцепилась за вешалку.

– погоди, – пытаюсь унять резко вспыхнувшую головную боль, протянула она, – кто встретил меня воплем: «Изменила?»?

– Верно, – кивнул Игорь, – только я имел в виду совсем другое! Спрашивал, изменила ли ты пароль в компьютере, на старый он почему-то не реагирует.

Глава 9

Старушка втянула голову в плечи.

– Ой, беда, раньше лучше было, достал журнальчик и гляди! Ну, чего это он не загорается?

– Вы кнопку нажмите, – посоветовала я, – вон ту, самую большую, на системном блоке.

– Твоя правда, – обрадовалась бабуся, – никак не запомню. Иванова... тут их аж семеро, ночью троих привезли, Мария Иванова... Во, Клавдия... да... да... ага... Ты это, того, ступай на четвертый этаж, ищи доктора Морозова Анатолия Сергеевича, ён дежурный, все и объяснит.

Мило улыбнувшись уставшей от борьбы с научно-техническим прогрессом бабуся, я, никем не потревоженная, добралась до отделения. Над входом горела надпись: «Первая травматология».

И опять меня никто не заметил, я беспрепятственно добралась до двери с табличкой: «Ординаторская», поскреблась в нее и, услышав: «Ну кто там?» – всунула голову в комнатенку.

– Можно? Ищу Морозова.

– Минуточку, пока занят, – не поднимая головы от бумаг, ответил мужчина в синей хирургической пижаме. – Значит, так, Жанна, тут имеем черепную травму.

Молоденькая медсестричка робко поправила:

– Черепно-мозговую...

– Мозгов у него нет, – рявкнул Морозов, – приперся на день рождения жены со своей любовницей, за что и получил казаном по башке. В случае Никифорова лишь черепная травма. Вы ко мне?

– Да, да, – закивала я, – ночью сюда доставили Клавдию Иванову...

Анатолий Сергеевич поднял голову.

– Кем она вам приходится?

– Коллегой, вместе людям ремонты делаем.

– Иванова умерла.

– Почему? Как? Не может быть!

Морозов тяжело вздохнул.

– Травма, несовместимая с жизнью, ее сильно ножом изрезали, вскрытие пока не делали, но, думаю, ничего удивительного там не обнаружат.

– Кто ее так?

Доктор пожал плечами.

– Не знаю, этим делом милиция должна заниматься.

– Мужик, – вдруг ожила медсестра, – та, вторая, которую к психам отправили, говорила.

– Жанна, – сурово перебил ее Морозов, – не следует делать опрометчивых заявлений, твое дело указания старшего медперсонала выполнять.

– Почему вы решили, что Клаву побил мужчина? – быстро сказала я. – Она сказала?

– Она говорить не могла, – ответила Жанна, – с такими травмами молчат, молодая в приемном покое сообщила вроде про мужа, а дежурная в карточку записала, но...

– Иди на пост, – велел Морозов, – разболталась тут, а вы ступайте, тело отдадут после вскрытия, у нас сейчас напряженка с патологоанатомами.

Жанна ойкнула и унеслась.

– А где Лида? – не успокаивалась я. – Вторая женщина, та, что помоложе.

– Не у нас.

– А где же?

– В справочную ступайте.

– Но...

– Идите, идите, – рявкнул Морозов, – на первый этаж, в мои служебные обязанности не входит тары-бары разводить!

Пришлось убираться несолоно хлебавши. Обратный путь лежал мимо сидевшей у стола Жанны.

– Выпер он вас? – сочувственно спросила она.

– Да, – кивнула я.

– Жуткий грубиян.

– Похоже на то.

– А сам во время ночного дежурства по порносайтам лазает, – заговорщицки зашептала девушка, – оно и понятно почему, кто же такому даст? Хам и жлоб, даже на Восьмое марта нам цветочка не принес. Думаете, врач хороший? Коновал!

– Клавдию можно было спасти?

Жанночка с опаской взглянула на дверь ординаторской, потом встала.

– Ты куришь? Пошли подымим на лестнице.

Раскурив сигаретку, медсестра кашлянула и сказала:

– Поработаешь у нас и четко поймешь: не надо замуж выходить. Каждая вторая в отделении либо мужем, либо любовником побитая. И ведь что противно: едва на ноги встанут, несутся к телефону и щебечут: «Милый, ты как? Кушать нечего? Ой, бедненький! Скоро выпишусь, приготовлю обедик!» Ну не дуры ли?

– Согласна, не слишком разумное поведение. Но Клава-то одинокая.

– Ее другой изувечил, не муж, грабитель, в документах напутали, – зашептала Жанна. – Клавдию сразу на операцию повезли, да зря старались, она на столе ушла. А вторую мне поручили, велели помыть. Я как к ней подошла, чуть не упала. Ну, думаю, доктора, что ли, не видели, кого подсунули? Вся в кровище!

Жанна стала осторожно осматривать Лиду и удивилась. На лице не было ссадин, а вот под волосами обнаружился порез, это оттуда текла кровь, но никакой опасности для жизни рана не представляла.

Жанна удивилась:

– Чем он тебя так?

Лида тихо ответила:

– Ножом.

– О господи, – покачала головой медсестра, – но отчего по макушке резал?

Лида поднесла руку к волосам, поморщилась и очень спокойно рассказала о произошедшем. Жанночка, обрабатывая порез, цокала языком, лишний раз убеждаясь в том, что лучше с парнями дела не иметь.

– Муж от меня ушел, – шептала Лида, – к другой. Уж и не знаю, чем она лучше оказалась, только я Сашу люблю и спорить не стала.

Супруг исчез, прихватив свои носильные вещи. Лида, естественно, переживала, но внешне старалась держаться спокойно. А вот Клава пылала гневом, строя планы о мести неверному зятю. Какие только мысли не приходили ей в голову! Позвонить новой пассии Саше и наговорить гадостей! Измазать ей дверь дерьмом! Сунуть под створку газету и поджечь! Проследить за мужиком, узнать, куда он пойдет на работу, и рассказать в отделе кадров всю правду про негодяя, мерзавца, подонка, сволочь, потаскуна...

Лида только вздыхала, остановить тетку было невозможно, зря молодая женщина надеялась, что Клава покричит, поплачет, побеснуется и утихнет. С каждым часом Клава становилась все агрессивней.

– Взяли в дом голодранца, – размахивала она руками, – без средств и приличной работы! Трусы ему купили и носки! В драном бельишке до встречи с нами щеголял. Я его на

работу пристроила, ремеслу обучила! Деньги получать начал! И что, а? Отмыли, отскребли, накормили, и где благодарность? Чем грязная свинья отличается от чистой? Сколько хрюшку ни мой, она все равно грязь найдет.

Ежевечерние монологи Клавы о подлости Саши глубоко ранили Лиду, но она тетку не останавливала, хорошо понимая, что человеку нужно выпустить пар, иначе от давления может крышу снести.

Очередной «концерт» начался вчера около часа ночи. Лида, безуспешно пытавшаяся заснуть, выползла на кухню и села у стола. Ей, измученной бессонницей, пришлось в голову выпить чаю, но сил даже на то, чтобы налить воды в кружку, не нашлось, и Лидочка тихо замерла на табуретке.

Послышался шорох, из коридора вынырнула Клава.

– Не спишь? – с плохо скрытым раздражением поинтересовалась она.

– Да, – тихо ответила Лида.

– Почему?

– Голова болит.

– Врешь, – топнула ногой тетка, – все он! Мерзавец!

И понеслось! Лида скорчилась на жестком сиденье, нещадно ругая себя за попытку побаловаться чайком. Надо было тихо лежать под одеялом, тогда не случилось бы очередной истерики.

В конце концов тетка выдохлась, и в кухне наступила тишина, женщины не зажигали свет, поэтому в помещении бы-

ло темно. Лида, обрадованная тем, что у родственницы иссяк заряд, решила пару минут не шевелиться, а потом встать и заползти в кровать. Клава же, после истерического припадка ощущавшая тупую усталость, тоже не двигалась, она стояла на небольшом расстоянии от племянницы, облокотившись на холодильник.

И вдруг под потолком ярко вспыхнула лампочка, Лида подскочила и снова рухнула на табуретку, зажав рот рукой. В проеме кухонной двери маячил неизвестный парень.

– Что это вы не спите? – выпалил он.

Лида растерялась до крайности. Да и кто бы не удивился? Ночью в квартире невесть откуда появляется незнакомец, да еще самого безумного вида, глаза блестят, руки трясутся, волосы дыбом...

– Вы кто? – вырвалось у молодой женщины.

– Наркоман, – вдруг заорала Клава, – вор, мерзавец! Думал, хозяева дрыхнут, вот и полез внутрь, деньги ему на дозу понадобились! Лидка, зови милицию, нет, лучше сама!

Клава потянулась к телефону, и тут незнакомец, схватив со стола нож с длинным лезвием, ринулся на Клаву. Чтобы ухватить тетку, мужчине потребовалось пройти мимо Лиды, по непонятной причине трогать ее наркоман не собирался, бросился именно на пожилую особу, но случайно задел остро наточенным лезвием голову сидящей женщины. Резкая боль пронзила Лиду, она вздрогнула и потеряла сознание.

Рана, нанесенная младшей Ивановой, оказалась пустяко-

вой, но кровавой, Лида лишилась чувств не от пореза, а от шока; когда она очнулась, грабителя в кухне не было, а на полу, скрючившись, лежала Клава.

– Сейчас отведу тебя в палату, – успокаивала Лиду Жанна, – врач укол пропишет, поспишь, а утром менты придут, вот им все и расскажешь. Уж будь уверена, отыщут мерзавца и посадят.

– Нет! – закричала вдруг Лида.

Жанна вытаращила глаза.

– Ничего себе! Вон кровищи сколько!

– Это случайность!

– Но он твою тетку всю изрезал.

– Сама виновата, – затопала ногами Лида. – Кто просил за телефон хвататься? Договорились бы миром.

– погоди, погоди, – попыталась вразумить дурочку Жанна, – насколько я поняла, парень вас ограбить хотел! Зачем ты грабителя защищаешь?

Из горла раненой вырвался крик, Жанна перепугалась, бросилась за врачом, доктор сделал Лиде укол, а потом ее отвели в другое отделение, туда, где лежали люди с временным нарушением психики.

– У вас есть психиатрическое отделение? – уточнила я.

– Не совсем так, – поправила Жанна, – на втором этаже несколько палат, куда кладут тех, кому, помимо других врачей, требуются психиатр и психолог.

– А как туда попасть?

Жанна раздавила окурок и сунула его в банку из-под растворимого кофе.

– Пошли, позвоню Рите Масловой, мы с ней дружим, Рита сегодня у психов дежурит. Только, думается, никакого нарка не было, муж ее тещу убил, сначала она в приемном отделении, от стресса, правду сказала, а потом в себя пришла и про грабителя выдумала. Жалко ей муженька, таких дур у нас в отделении полно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.